

175-5-1

ВОЕННЫЙ

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 11

НОЯБРЬ

1872

ной пекарнѣ въ печахъ Викгорста паропроводныя трубы устроены не были, и никакой отъ того неудовлетворительности въ печеніи хлѣба комісія не замѣтила. Мы надѣемся, что послѣ этого объясненія каждому читателю будетъ понятно, что отсутствіе или присутствіе паропроводныхъ трубъ не указываетъ на достоинство или совершенство системы печей и не можетъ имѣть никакого вліянія на печеніе хлѣба.

«Мы довольны хотя тѣмъ, что раздѣленіе операціи производства хлѣбопеченія на этажи, примѣненное въ красносельской пекарнѣ *дотъ-надцать* лѣтъ тому назадъ и до сихъ поръ еще не введенное въ другихъ европейскихъ пекарняхъ, признается авторомъ статьи въ № 2 «Военнаго Сборника» необходимымъ».

Напрасно г. Конаржевскій приписываетъ себѣ честь изобрѣтенія способа раздѣленія операціи хлѣбопеченія въ пекарнѣ на этажи. Берлинская пекарня существуетъ болѣе ста лѣтъ и, съ самаго начала ея дѣйствія, производство хлѣбопеченія въ ней было раздѣлено на три этажа. Въ послѣдніе три года мы осмотрѣли много военныхъ и частныхъ пекаренъ въ Сѣверной Германіи и въ Австріи и не видали производства хлѣбопеченія безъ дѣленія на этажи.

Въ заключеніе мы должны сказать, что не имѣемъ никакихъ поводовъ ни хвалить печи Викгорста, ни худить печи г. Конаржевскаго. Въ настоящей статьѣ, мы, на основаніи шестимѣсячныхъ испытаній и офиціальнаго отчета комісії, производившей опыты печенія хлѣба въ печахъ Викгорста, изложили всѣ ихъ достоинства и указали всѣ ихъ недостатки. Мы вполне раздѣляемъ мнѣніе комісії, что не слѣдуетъ торопиться вводить печи Викгорста, а необходимо испытать другія системы печей, какъ, напримѣръ, систему Армана, которая, по полученнымъ свѣдѣніямъ, имѣетъ многія преимущества передъ системой Викгорста (*). Но если бы было необходимо сдѣлать выборъ между печами г. Конаржевскаго и Викгорста, то наше твердое убѣжденіе, что, руководясь одной пользой дѣла, слѣдуетъ для общихъ военныхъ пекаренъ выбрать печи Викгорста.

Петръ Агафѣевъ 1-й.

9-го августа 1872 г.

г. Варшава.

(*) Особенно по массѣ выпекаемаго хлѣба и одновременнаго съ нимъ приготовленія сухарей, что имѣетъ важное значеніе для печей военныхъ пекаренъ.

ОЧЕРКИ СЕМИРЪЧЕНСКАГО КРАЯ.

(Путевыя письма).

I.

ОТЪ ТАШКЕНТА ДО ВЪРНАГО.

Отъѣздъ изъ Ташкента. — Путь изъ Чимкента. — Долина рѣкъ Армыса и Терса. — Вѣтры. — Жары. — Ущелье Куюкъ. — Голодная стѣна. — Рѣка Таласъ. — Городъ Аулие-ата. — Дальнѣйшій характеръ дороги. — Александровскій хребетъ. — Въѣздъ въ Семирѣченскую Область. — Русскіе колонисты. — Переправа черезъ рѣку Чу. — Рѣка Чу. — Перевалъ черезъ хребетъ Курдай. — Выселокъ Любовный (Кескелент).

Путешествіе для меня, какъ и для многихъ, имѣетъ особенную прелесть. Посѣтить новыя мѣста, увидѣть новую природу, ознакомиться съ новыми людьми, жизнь и характеръ которыхъ рѣзко отличаются отъ жизни тѣхъ людей, среди которыхъ жилъ прежде, все это привлекаетъ неудержимо.

Достаточно ознакомившись съ характеромъ степной жизни отъ Орешбурга до Самарканда и Бухары, я желалъ посѣтить восточныя окраины Туркестанскаго округа, рѣзко отличныя отъ западныхъ. Здѣсь находятся, послѣ Гималаевъ, высочайшіе въ свѣтѣ хребты горъ (Сары-ясы, Кокъ-шаалъ въ Тянь-шаѣ), съ своими дикими, грандіозными перевалами, неимѣющими себѣ ничего подобнаго (Му-зартъ). Здѣсь же примыкаетъ къ нашимъ границамъ древнѣйшая въ мірѣ китайская цивилизація, вліяніе которой столь значительно отразилось въ Кульдженской провинціи. Все это сильно занимало мое воображеніе и увеличивало желаніе увидѣть собственными глазами интересныя страны.

Находясь въ такомъ настроеніи, я въ серединѣ мая оставилъ Ташкентъ. Такъ какъ въ это время года въ Ташкентѣ стоятъ уже

тяжелые, невыносимые жары, то я, исходя изъ предположенія, что градуса полтора широты не составятъ большой разницы относительно состоянія термометра, принялъ мѣры къ тому, чтобы легче избѣгать жаровъ, то есть взялъ побольше лѣтняго платья, тогда какъ зимнее захватилъ на всякій случай, для путешествія въ горахъ. Мои предположенія оказались ошибочными. Послѣ перевала черезъ невысокій хребетъ Казы-куртъ (верстахъ въ 80 отъ Ташкента) началъ преслѣдовать меня столь холодный сѣверо-восточный вѣтеръ, что я долженъ былъ тотчасъ облечься по-зимнему.

Почтовая ѣзда отъ Ташкента до Чемкента (114 верстъ) уже установилась вполне, и напоминаетъ недавнее прошлое Европейской Россіи, когда путешественнику приходилось съ конца въ конецъ передвигаться, испытывая безчисленное множество мелкихъ и крупныхъ лишеній и неудобствъ.

Лѣтъ десять тому назадъ, путешествуя по Россіи, трудно было допустить мысль, что въ такое короткое время она покроется могучею сѣтью желѣзныхъ дорогъ. Быстрота сооруженій желѣзныхъ дорогъ въ Европейской Россіи позволяетъ теперь надѣяться и дѣлаетъ возможною вѣроятность столь же быстрого развитія желѣзнодорожнаго дѣла и въ Азіятской Россіи, несмотря на всю видимую къ тому трудность.

Чемкентъ составляетъ узелъ трехъ главныхъ дорогъ Туркестанскаго края. Отсюда исходитъ путь черезъ Казалинскъ на Оренбургъ; затѣмъ черезъ Вѣрный на Сибирь, и, наконецъ, черезъ Ташкентъ въ Самаркандъ. Путь въ городъ Вѣрный идетъ сперва на сѣверо-востокъ и пролегаетъ долинами рѣкъ Арыса и Терса. Сначала мѣстность имѣетъ характеръ сильно волнистый, вслѣдствіе чего надобно дѣлать частые подъемы и спуски, въ большинствѣ случаевъ не длинные, хотя и крутые. Впрочемъ, у станицы Машатъ правый берегъ оврага съ ручьемъ на днѣ чрезвычайно крутъ, имѣетъ длины до одной версты. Затѣмъ дорога перерѣзывается арыками (канавами), орошающими киргизскія пашни, здѣсь и тамъ попадающіеся вдоль дороги. Огромныя необозримыя степныя пространства, видимыя вокругъ и покрытыя густою сочною травою, весьма подручны для кочевниковъ, стада которыхъ находятъ здѣсь полное приволье. Въ водѣ также недостатка нѣтъ, такъ какъ горные хребты, виднѣющіеся вправо отъ дороги, даютъ начало ручьямъ и потокамъ, которые и служатъ для орошенія пашенъ и для питья.

Арыки и ручьи всюду переѣзжаемы вбродъ и серьезнаго пре-

пятствія для движенія не представляютъ. Ручьи даже въ періодъ полноводья (съ Петрова дня) сообщенія не прерываютъ.

Начиная съ третьей станицы, къ дорогѣ подходитъ справа невысокій хребетъ, который потомъ становится выше и выше. Съ лѣвой стороны дорогу также сопровождаютъ отроги Каратаусскаго хребта, чрезъ что долина рѣки Арыса суживается. У станицы Чакъ-макъ она расширяется и дѣлается ровнѣе, хотя все таки встрѣчаются овраги, устланные гальвою.

Съ самаго выѣзда моего изъ Чемкента бушевалъ холодный, противный вѣтеръ, неистово взрывавшій пыль и песокъ и залѣпывавшій ими глаза. Я уже хотѣлъ остановиться на одной изъ станицъ, чтобы переждать штормъ; но изъ распросовъ оказалось, что вѣтры во всей этой мѣстности явленіе нормальное, а тихая погода исключеніе. Дѣлать было печего; я отправился далѣе, ухитрился и приспособляясь, сколь возможно, чтобы видѣть мѣстность и въ то же время сберечь глаза.

Кромѣ вѣтровъ, другую характеристическую особенность всей страны вдоль Александровскаго хребта составляютъ рѣзкіе переходы отъ тепла къ холоду. Зимы здѣсь суровы и почти ежедневно завываютъ бураны (мятели), которые заносятъ станціонные домики почти до верху. Для указанія пути по всему тракту поставлены земляныя, а мѣстами изъ сложенныхъ камней, тумбы, около одной сажени высотой. Лѣтомъ, въ тихій, безвѣтряный день жары бываютъ страшныя и, если ихъ не смѣнить въ теченіе дня сразу поднявшіеся холодный вѣтеръ, то, съ наступленіемъ вечера, термометръ опускается чрезвычайно быстро.

Проѣхавъ долиною рѣки Терса, также населенною киргизами, какъ и долина рѣки Арыса, верстахъ въ четырехъ отъ станицы Куюкъ приходится переѣзжать черезъ ущелье того же имени, тянущееся зигзагами вплоть до самой станицы. Дорога здѣсь мѣстами пролегаетъ по карнизамъ надъ обрывами, но, несмотря на то, ущелье легко доступно: привычныя лошади и ямщики знаютъ свое дѣло. Зимой ущелье надобно часто расчищать, такъ какъ оно сильно заносится снѣгомъ. По дну ущелья протекаетъ ручей того же имени. Горы, образующія ущелье, каменисты и обнажены.

Отъ ущелья начинается мѣстность гладкая, ровная, каменистая, безводная, лишенная всякой растительности, хотя путь идетъ по южной окраинѣ голодной, безпріютной степи. Единственные обитатели этой печальной мѣстности суть черепахи, змѣи и разныя ядовитыя насѣкомыя. Ничто не разнообразитъ дикой пустыни; только

высокій хребетъ (Александровскій), тянущійся справа, вносить пѣ-которое оживленіе для блуждающаго взора.

Такой характеръ мѣстность сохраняетъ на протяженіи около ста верстъ, до станціи Менды-бай, за исключеніемъ, впрочемъ, одного населеннаго участка, Аулие-ата, лежащаго на рѣкѣ Таласѣ. Эта довольно многоводная рѣка, вытекающая изъ горъ по общему направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ, разноситъ съ собою и узенькую полоску жизни, давая пропитаніе пріютившемуся на ней люду. Несмотря на свое относительное многоводіе, Таласъ всегда переѣзжается вбродъ.

Аулие-ата небольшой городъ, населенный сартами, не имѣетъ никакихъ памятниковъ прошлаго. Единственная древность здѣсь—неизреченная могила, сложенная изъ жженого кирпича. Могила находится среди обширнаго кладбища за городомъ и содержитъ въ себѣ останки святаго, по имени Кара-хана, одного изъ потомковъ знаменитаго мусульманскаго пастыря Ходжи-Ахметъ-Яссави, покоящагося въ Туркестанѣ. Кара-хана извѣстенъ въ народѣ больше подъ именемъ «святого отца»—аулие-ата, откуда и названіе города.

Населеніе по пятницамъ и въ другіе праздничные дни приходитъ на могилу своего патрона для принесенія ему усердныхъ молитвъ.

Окрестность аулие-ата, какъ и весь уѣздъ, славится производствомъ хлѣба, который въ значительномъ количествѣ отпускается не только во всѣ части Сыръ-дарьинской Области, но даже и за границу, въ Коканъ.

Русская слободка въ Аулие-ата состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, принадлежащихъ служащимъ лицамъ. Домики эти, выстроенные изъ сырцоваго кирпича, выглядываютъ какъ-то особенно уныло. Единственное украшеніе русской слободки составляетъ маленькая, хорошенькая церковь, окруженная зеленью молодыхъ деревьевъ.

Во время учрежденія Туркестанскаго округа было предположеніе сдѣлать Аулие-ата административнымъ центромъ края; но болѣе внимательное разсмотрѣніе дѣла побудило избрать такимъ центромъ городъ Ташкентъ.

Аулие-ата былъ взятъ штурмомъ 4-го іюня 1864 года полковникомъ (нынѣ генераль-майоръ) Черняевымъ. Атака была поведена на южную часть городской стѣны четырьмя ротами, которыя мигомъ ворвались въ городъ, послѣ чего цитадель уже не защищалась и аулие-атинскій бекъ послѣшилъ искать спасенія въ бѣгствѣ.

Отъ станціи Менды-бай опять начинается прежній характеръ мѣстности. Частые луга съ горными ручьями, протекающими по ка-

менистому дну, долины, образуемыя предгорьями сибѣговаго хребта, часто подходящаго близко къ дорогѣ, все это чередуется съ надѣждающею однообразностію. Кромѣ этого, путника сопровождаютъ еще киргизскія кладбища, примыкающія къ самой дорогѣ и состоящія, по большей части, изъ простыхъ могилъ въ видѣ глиняныхъ кучъ; встрѣчаютъ изрѣдка и надгробные памятники довольно сноснои конструкціи, со сводами.

Единственно, что хоть сколько-нибудь разнообразитъ мѣстность—это громадный сибѣговой хребетъ, гордо возносящійся своими вершинами къ облакамъ; но и онъ много теряетъ вслѣдствіе того, что обнаженъ отъ всякой растительности. Лѣсъ есть лучшее украшеніе всякаго пейзажа; но здѣсь-то именно не только лѣсу, даже ни одного кустика не видно. Правда, въ глубинѣ ущелій горъ растутъ кое-какія породы деревьевъ, но они со стороны совершенно незамѣтны.

Несмотря на свою видимую безжизненность и обнаженность, горы эти (какъ и всѣ почти въ Средней Азій) въ теченіе лѣта населются кочевниками, которые, по мѣрѣ того какъ выгораетъ трава на равнинахъ, поднимаются все выше и выше по хребту, находя въ его продольныхъ и поперечныхъ долинахъ свѣжую траву. Затѣмъ зимою, когда сибѣгъ и мятели заваливаютъ горныя долины, киргизы тѣмъ же порядкомъ спускаются къ подошвамъ и на равнины и располагаются на зимовки, гдѣ скотъ ихъ ищетъ скудное пропитаніе изъ-подъ сибѣга. Предоставляю воображенію читателей судить, каковъ долженъ быть жизненный обиходъ киргизовъ зимою. Люди вябнуть и жмутся отъ холода, просиживая часто по нѣскольку сутокъ въ своихъ переносныхъ жилищахъ, доверху запасимыхъ сибѣгомъ. Для согрѣванія брешнаго тѣла, въ юрту вводится животныя, по преимуществу бараны, между которыми ложатся люди. Животныя, здѣсь замѣняютъ наши печки. Скотъ отъ недостатка пищи худѣетъ и падаетъ. Только съ весною киргизы оживаютъ и поправляются.

Со станціи Кара-балты начинается Семирѣченская Область, гдѣ почтовая ѣзда становится нѣсколько лучше, вслѣдствіе того, что содержаніе станцій отдано русскимъ, умѣющимъ правильнѣе взяться за дѣло, чѣмъ туземцы, въ большинствѣ случаевъ занимающіеся почтовою гоньбою въ Сыръ-Дарьинской Области. Тутъ даже появились верстовые столбы.

По пріѣздѣ на слѣдующую станцію, Акъ-су, еще болѣе пероносившись въ Европейскую Россію. Передъ взоромъ путешественника, какъ бы по маію волшебства, открывается малоросійскій поселокъ

(дворовъ 50), со всеми атрибутами украинской жизни. Хаты привѣтливо глядятъ своими окнами, плетеные заборы, садики вокругъ хатъ, огороды, домашняя птица—все это ублажаетъ зрѣніе и наполняетъ душу отраднымъ чувствомъ. Вотъ она Русь куда забралась и гдѣ приотились наши передовые переселенцы!...

Наибольшій контингентъ переселенцевъ въ Семирѣченскую Область даетъ Воронежская губернія. Съ каждымъ годомъ идутъ сюда новыя и новыя подкрѣпленія, такъ что скоро, пожалуй, не хватитъ имъ мѣста и здѣсь; тогда придется заселять ими Сыръ-Дарьинскую Область.

Участь переселенцевъ здѣсь, кажется, довольно обезпечена. Аксуйскій (Бѣловодскій) выселокъ считаетъ только второй годъ своего существованія, а люди уже успѣли достаточно обжиться. Они всемъ довольны и только жалуются на недостатокъ воды, необходимой для орошенія полей. Такъ какъ вода необходима и киргизамъ, а послѣдніе занимаютъ верхнія части ручьевъ, слѣдовательно, такъ сказать, господствуютъ надъ водою, то нашимъ поселенцамъ приходится вести нескончаемые споры изъ-за воды. Понятно, что властямъ доводится быть умиротворителями.

Въ большей части Средней Азіи хлѣбъ рождается только при помощи орошенія. Орошенная земля даетъ богатый урожай, не орошенная скудный, въ Семирѣченской Области даже ничего не даетъ; поэтому борьба изъ за воды есть борьба изъ-за хлѣба. Изъ-за воды ведутъ вѣчную борьбу государства, города, села, а въ селахъ отдѣльные жители. Всякій, кто къ водѣ ближе, и притомъ сидитъ въ болѣе верхнихъ частяхъ рѣки и главнаго арыка, тотъ пользуется большими преимуществами и можетъ эксплуатировать того, кто сидитъ ниже и дальше отъ воды. Между ханствами споры рѣшаются оружіемъ; между отдѣльными городами ханства правителями, а между отдѣльными членами города или деревни особыми специальными чиновниками, *арык-аксакалами*, наблюдающими за правильнымъ и безобиднымъ распредѣленіемъ воды между обывателями.

Нашимъ переселенцамъ, незнакомымъ съ системою орошенія земли, на первыхъ порахъ особенно трудно вести свое хозяйство; но нѣтъ сомнѣній, что, со временемъ, они приспособятся къ новому роду жизни.

Выселками усѣяна вся дорога вплоть до Вѣрнаго; они расположены у станцій, оживляя почтовую дорогу.

Отъ станціи Пишпекъ, расположенной у бывшего ничтожнаго кокапскаго укрѣпленія, взятаго штурмомъ нашими войсками въ 1860

году, дорога шла черезъ Кастекское ущелье; но такъ какъ это ущелье слишкомъ затрудняло движеніе, то съ прошлаго года положена новая дорога, въ обходъ, черезъ рѣку Чу, гдѣ сооруженъ хорошей деревянный мостъ. До Токмака и теперь еще существуетъ трактъ; но онъ вскорѣ будетъ брошенъ съ перенесеніемъ управленія Токмакскаго уѣзда въ Пишпекъ. Такое перенесеніе уѣзднаго административнаго центра обусловливается невыгодами его теперешняго расположенія среди болотъ, порождающихъ въ населеніи сильную болѣзненность и смертность.

Переправа черезъ Чу производится въ 22-хъ верстахъ отъ Пишпека, у Константиновской станціи. Здѣсь рѣка уже принимаетъ степной характеръ, хотя и течетъ еще чрезвычайно быстро. Берега ея невысоки, глинисты, вслѣдствіе чего чрезвычайно размываются, такъ что вода всегда мутна.

Въ рѣкѣ водится много рыбы разныхъ породъ, а на берегахъ, поросшихъ густымъ камышомъ, обитаютъ дикіе кабаны и тигры.

Чу беретъ начало изъ Небесныхъ Горъ подъ именемъ Качгара и съ быстротою мчится на сѣверо-востокъ къ озеру Иссык-куль, мимо котораго проходитъ верстахъ въ шести, отдѣляя рукавъ Кутемалды, сообщающійся съ озеромъ. Послѣ выхода изъ Буамскаго ущелья, долина Чу расширяется болѣе и болѣе и рѣка становится степною. Въ весеннее время, Чу сильно разливается; по спаду водъ, во многихъ мѣстахъ образуются броды. Острововъ на рѣкѣ множество, и, кромѣ того, она, мѣстами, сплошь зарастаетъ камышомъ, образующимъ такъ называемыя *крьти*.

Переправившись черезъ Чу, вскорѣ вступаешь въ предгорья невысокаго хребта, пересекающаго дорогу и носящаго мѣстное названіе Курдай. Хребетъ этотъ имѣетъ въ мѣстѣ перевала до 6,000 футовъ высоты и верстъ 40 ширины. Склопы хребта неравны, а именно: западный пологій, имѣетъ до 30 верстъ длины, тогда какъ восточный гораздо круче, и дорога по этой покатости пролегаетъ зигзагами и идетъ почти все время по карнизу. Въ горахъ почти всегда свирѣпствуютъ вѣтры, а зимою разгуливаютъ жестокіе снѣжные бураны. Нужно брать много предосторожностей при слѣдованіи черезъ этотъ хребетъ зимою; иначе можно придти къ пагубнымъ послѣдствіямъ, что и случалось.

За перевалами чрезъ хребетъ путь становится совершенно ровнымъ; впрочемъ, верстахъ въ пятнадцати отъ станціи Таргатъ, дорога снова начинаетъ пересѣкаться арыками, оврагами, холмистыми

грядями, въ долинахъ которыхъ растетъ хорошая трава и находятъ себѣ пристанище киргизы.

На станціи Узунъ-агачъ (длинное дерево), на высокомъ холмѣ, усматривается памятникъ, сооруженный въ честь побѣды, одержанной здѣсь въ 1860 году генераломъ Колпаковскимъ надъ многочисленными скопищами коканцевъ. При станціи есть малороссійскій поселокъ съ прекрасно обработанными окрестностями.

Выселокъ Любовный (Кескеленъ) — послѣдняя станція передъ Вѣрнымъ. Этотъ выселокъ состоитъ изъ казаковъ, переведенныхъ изъ Сибири и вошедшихъ въ составъ Семирѣченскаго войска. Поселокъ производитъ необыкновенно пріятное впечатлѣніе. Передъ глазами внезапно возникаетъ чисто-русская деревня, съ хорошею церковью по серединѣ. Домики, выстроенные изъ дерева, чистенькіе, опрятные, какъ игрушки, радостно смотрятъ своими большими окнами; тесовыя крыши блестятъ при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Улицы, широкія и прямыя, обсажены молодыми деревьями. Возлѣ домиковъ зачастую встрѣчается садикъ.

Изъ Любовнаго выселка до Вѣрнаго дорога сохраняетъ прежній характеръ. Наконецъ, перебравшись по небольшому деревянному мосту черезъ горную рѣчку Алматинку, путникъ въѣзжаетъ въ городъ Вѣрный.

II

ГОРОДЪ ВѢРНЫЙ

Мѣстоположеніе города.—Рѣка Алматинка.—Алатавскія горы.—Растительность въ горахъ.—Мѣры, предпринятыя мѣстными властями для сохраненія лѣса.—Раздѣленіе города.—Статистическія данныя о городѣ.—Число зданій.—Количество населенія.—Занятія жителей.—Земледѣліе, пчеловодство, скотоводство, фабричная и заводская промышленность.—Торговля.—Просвѣщеніе.—Нравственность.

По занятіи нами Заилійскаго края въ 1853 году, съ цѣлю упроченія русской власти надъ Большою Ордою, въ слѣдующемъ, 1854, году, было заложено укрѣпленіе Вѣрное, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ средніе вѣка былъ городъ Алматы, т. е. Яблопный, извѣстный по своей торговлѣ и служившій станціею на большой дорогѣ, по которой, между прочимъ, ходили генуэзскіе купцы въ Китай.

Укрѣпленіе Вѣрное сперва было центромъ управленія Алатавскаго округа, подчинявшася военному губернатору Семипалатинской Области, но, съ учрежденіемъ Туркестанскаго военнаго округа, укрѣпленіе было сдѣлано областнымъ городомъ Семирѣченской Области, и стало называться городомъ Вѣрнымъ, хотя офиціально такое на-

званіе еще ему не присвоено. Кромѣ того, туземцы и многіе русскіе называютъ Вѣрный, по старинному, Алматыми.

Вѣрный лежитъ на ровной, песчано-глинистой мѣстности, у самой подошвы Заилійскаго Алатау, на рѣчкѣ Алматинкѣ.

Алматинка беретъ начало въ необыкновенно живописной мѣстности, въ горахъ, и течетъ весьма быстро, съ шумомъ и пѣной, по дну, сплошь устланному крупными камнями. По выходѣ изъ горъ, рѣка, хотя и течетъ по ровной мѣстности, по сохраняетъ прежнюю быстроту и свойство дна.

Алматинка имѣетъ ширины не болѣе трехъ аршинъ, глубины около четверти аршина, и во всякое время переходима въ бродъ. При всемъ томъ, количество воды въ рѣчкѣ уменьшается съ каждымъ годомъ.

На уменьшеніе воды въ Алматинкѣ имѣетъ вліяніе, во-первыхъ, то обстоятельство, что рѣчка тотчасъ по выходѣ изъ горъ разводится по арыкамъ или каналамъ для орошенія полей, садовъ и огородовъ, а, во-вторыхъ, вслѣдствіе истребленія лѣсовъ въ верховьяхъ рѣки, о чемъ еще будетъ сказано ниже. Алматинка впадаетъ въ другую горную рѣчку Кескеленъ, которая, въ свою очередь, вливается въ рѣку Или. Рѣка Алматинка получила свое названіе, вѣроятно, отъ того, что истоки ея, въ горахъ, густо поросли яблонами и урокомъ (абрикосами).

Вѣрный лежитъ на высотѣ 2,500 футовъ надъ уровнемъ моря и пользуется теплымъ и здоровымъ климатомъ. Лѣтніе жары доходятъ въ тѣни до 30°, а зимніе холода до 20°. По замѣчанію обывателей, вѣренскій климатъ суровѣетъ съ каждымъ годомъ. Прежде зимніе холода были сносно, да и снѣгъ держался лишь по нѣсколькимъ дней; въ послѣдніе же годы зимы стали устанавливаться русскія, мѣсяца на три. Нѣтъ сомнѣнія, что и тутъ истребленіе лѣсовъ въ окрестностяхъ города приноситъ извѣстную долю вреднаго вліянія.

Лѣтніе жары едва выносимы; по вечера и ночи всегда прохладны, вслѣдствіе близкаго присутствія вершинъ Алатау, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ.

Быстрое измѣненіе температуры въ теченіе дня порождаетъ перемежающіяся лихорадки, которыя и составляютъ господствующую болѣзнь въ Вѣрномъ. Къ лихорадкамъ лѣтомъ присоединяются поносы, происходящіе отъ неумѣреннаго употребленія зрѣлыхъ и умѣреннаго незрѣлыхъ фруктовъ.

Несоблюденіе условій для сохраненія въ чистотѣ воздуха и воды также отчасти вредно дѣйствуетъ на здоровье жителей. Всякій соръ

и нечистота остаются открытыми либо на дворахъ и улицахъ, либо сбрасывается въ воду, чрезъ что воздухъ и вода отравляются. Особенно усердно содѣйствуютъ въ этомъ калмыки, извѣстные своею необыкновенною нечистоплотностью, поселенные какъ въ городѣ, такъ и окрестностяхъ, вверхъ по Алматингѣ.

Господствующіе вѣтры: сѣверо-западный, съ озера Балхаша, и восточный, дующій весною. Первый гонитъ песокъ, поднятый съ сухой и песчаной степи Бедъ-пакъ-дала, и гонитъ дождевыя тучи.

Яблоки созрѣваютъ въ Вѣрномъ въ началѣ августа, урокъ (абрикосы) во второй половинѣ іюня, а рожь и пшеница въ іюлѣ.

Средняя температура Вѣрнаго, опредѣленная въ 1861 году г. Голубевымъ, равняется $+5,6$ Р.

Городъ Марсель, находящійся почти подъ одною широтою съ Вѣрнымъ, имѣетъ среднюю годовую температуру $+11^{\circ},3'$ Р, вслѣдствіе чего тамъ созрѣваютъ оливки, персики и померанцы, которые въ Вѣрномъ не растутъ.

Виноградъ, впрочемъ, разводится здѣсь съ успѣхомъ.

Окрестности Вѣрнаго, за исключеніемъ горъ, равнины и печально-однообразны.

За то Алатавскій хребетъ, замыкающій вѣрненскій горизонтъ съ юго-запада, необыкновенно живописенъ. Хребетъ имѣетъ до 14,000 футовъ высоты, такъ что вершины его постоянно покрыты снѣгомъ. Во времена недавняго прошлаго, не только покатоности горъ, но даже и предгорья были покрыты густымъ лѣсомъ; теперь же на предгорьяхъ растутъ одна трава, яркая, изумрудная зелень которой сливается съ темною зеленью еловаго лѣса, растущаго уже на самыхъ горахъ; все это увѣнчивается бѣлоснѣжной короной, вырѣзывающейся на яркомъ, голубоватомъ небѣ. Въ горахъ часто идутъ дожди, и тогда горы, какъ пеленою, заволакиваются темными тучами, которыя, по мѣрѣ того какъ поднимаются къ верху, становятся бѣлыми, принимаютъ всевозможныя прихотливыя очертанія и, уменьшаясь постепенно, исчезаютъ въ пространствѣ.

Необыкновенно красивое зрѣлище представляютъ предгорья въ весеннее время (въ апрѣлѣ), когда кочевники пускаютъ по нимъ *наль*, т. е. зажигаютъ старую траву для того, чтобы дать возможность лучше вырасти новой. Полеба занимается заревомъ пожара, перемены котораго паполняютъ волнами свѣта всю окрестность. Но какъ ни красивы Алатавскія горы со стороны, картины въ самыхъ горахъ еще роскошнѣе, еще поразительнѣе. Могучая растительность долинъ и ущелій, потоки, kloкочущіе съ пѣной въ обрывистыхъ берегахъ,

тропинки и дорожки, змѣей выюціяся надъ пропастями, все это производитъ неотразимое впечатлѣніе. Съ каждымъ шагомъ впередъ, картины мѣняются какъ въ калейдоскопѣ и являются все болѣе поразительными, все болѣе эффектными.

Въ Алатавскихъ горахъ растетъ въ наибольшемъ изобиліи ель; затѣмъ, въ гораздо меньшемъ количествѣ, произрастаютъ: яблоки, урокъ, джида, ясень, арча (верескъ) и даже береза. Я сказалъ уже, что алатавскій лѣсъ значительно истребленъ. Чтобы парализовать, по возможности, такое истребленіе, мѣстныя власти предприняли нѣкоторыя мѣры, а именно: воспретили постройку деревянныхъ зданій въ городѣ; годный лѣсъ взять въ казну и вырубка его стѣснена многими формальностями: всякій желающій рубить лѣсъ долженъ представить смѣту, сколько нужно ему дерева, какого размѣра и для какого предпріятія, и обязанъ заплатить попенную плату, которая невелика (отъ 60 до 15 копѣекъ серебромъ за дерево, смотря по размѣру).

Однако задуманная цѣль не достигается вполне: молодыя деревья продолжаютъ вырубаться по прежнему, а старыя остаются. Слѣдовательно, было бы цѣлесообразнѣе, не взимая платы и не требуя никакихъ формальностей, просто воспретить вырубку молодыхъ деревьевъ (указавъ размѣры, меньше которыхъ деревья должны оставаться неприкосновенными), и дозволивъ эксплуатировать деревья взрослыя. Тогда лѣсная экономія пошла бы своимъ чередомъ, и новыя поколѣнія деревьевъ исподволь замѣняли бы собою старыя.

Городъ Вѣрный состоитъ изъ слѣдующихъ частей: Алматинской станицы (старая часть города), Алматинскаго выселка, Татарской слободки, и изъ Новаго, или собственно города, только что возникающаго. Послѣдній состоитъ изъ каменныхъ, или, вѣрнѣе, кирпичныхъ зданій, тогда какъ старыя части города выстроены исключительно изъ еловаго лѣса.

Какъ старый, такъ и новый городъ распланированы правильно. Улицы прямыя, ровныя и широкія, въ большинствѣ случаевъ усаженныя (хотя довольно жидко) деревьями. При домахъ зачастую разведены садики.

Деревянные дома Вѣрнаго, имѣющіе видъ русскихъ избъ съ деревянными крышами, почти все холодны, вслѣдствіе того, что, во первыхъ, они закопачиваются не мхомъ (*), а сѣномъ, которое частію выгниваетъ, частію растаскивается птицами, почему въ стѣнахъ

(*). Въ Россіи для этой цѣли употребляется, какъ извѣстно, особый видъ мха, называемый *кукушкинымъ льномъ*.

постоянно образуются щели, и, во-вторыхъ, деревянные полы и потолки, ссыхаясь, даютъ трещины и щели, которыя также пропускаютъ холодъ. Кроме того, жители не знаютъ употребленія двойныхъ рамъ на зиму (*).

Количество зданій въ Вѣрномъ слѣдующее (**):

Наименованіе зданій.	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей (***)	1	1
Мочетей	—	1
Домовъ	234	972
Нежилыхъ зданій	4	9
Лавокъ	—	226
Ларей и балагановъ	—	164
Харчевенъ и пельменницъ (****)	—	21
Мельницъ	—	62
Всего построекъ	239	1,456

Всѣ эти свѣдѣнія относятся къ 1871 году.

Въ 1863 году было:

	Каменныхъ.	Деревянныхъ.
Церквей	—	1
Домовъ	1	678
Магазиновъ и лавокъ	—	55
Мельницъ	—	32
Итого	1	766

Слѣдовательно, въ восьмилѣтній періодъ времени число зданій въ Вѣрномъ больше чѣмъ удвоилось.

Въ такой же пропорціи увеличивалось и число жителей.

Городъ Вѣрный замѣчательнъ разнообразіемъ своихъ обитателей. Какихъ только народностей и племенъ вы не встрѣтите на его улицахъ! Большинство населенія составляетъ казачье сословіе — коренные поселенцы; затѣмъ слѣдуютъ малороссіяне, пришедшіе недавно и пріютившіеся временно на территоріи новаго города. Къ числу переселенцевъ слѣдуетъ отнести незначительное количество чувашъ, мордвы, черемисовъ и другихъ племенъ съ Поволжья.

Кромѣ того, Вѣрный населяютъ: татары, живущіе въ отдѣльной

(*) Къ неудобству деревянныхъ строеній слѣдуетъ отнести также и возможность пожаровъ. Въ 1851 г. въ Вѣрномъ было семь пожарныхъ случаевъ, съ убыткомъ на сумму въ 3,462 р. 70 к.

(**) Всѣ цѣровыя свѣдѣнія получены при обязательномъ содѣйствіи начальника Вѣренскаго уѣзда полковника Жданъ-Пушкина.

(***) Строится соборъ, уже подведенный подъ фундаментъ.

(****) Въ числѣ этихъ зданій есть часть изъ сырца и часть изъ битой глины.

слободкѣ; сарты — пришельцы изъ другихъ городовъ Туркестанскаго округа (Аулие-ата, Чемкента, Ташкента), изъ коканскихъ и кашгарскихъ владѣній; киргизы, принимающіе полуосѣдлый бытъ; калмыки, пришедшіе изъ Кульджи послѣ китайскаго погрома въ 1864 году; они, большею частію, приняли христіанство. Въ Вѣрномъ употребляются, преимущественно, какъ чернорабочая сила, китайцы, приходящіе сюда изъ Небесной Имперіи по торговымъ дѣламъ. Наконецъ, евреи тоже живутъ торговлею.

Вотъ перечень вѣренскаго населенія по племенамъ и сословіямъ:

	Муж. пола.	Женск. пола.	Всего.
Въ 1871 году состояло.			
Дворянъ } потомственныхъ	109	46	155
} личныхъ	71	52	123
Почетныхъ гражданъ	8	5	13
Духовенства бѣлаго	8	12	20
Купцовъ	174	107	281
Мѣщанъ	1,176	1,306	2,482
Крестьянъ	174	101	275
Колонистовъ	5	3	8
Военнаго сословія	2,512	250	2,762
Казачьяго	2,048	1,839	3,887
Отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ	583	180	763
Сартовъ	459	106	565
Китайцевъ	9	3	12
Киргизовъ	271	132	403
Калмыковъ } крещеныхъ	91	52	143
} некрещеныхъ	107	81	188
Лицъ, принадлежащихъ вышеозначеннымъ сословіямъ	187	93	180
Проживающихъ по паспортамъ	191	83	277
Итого	8,186	4,457	12,637

Изъ этой таблицы усматривается: 1) значительное превосходство русскаго населенія надъ инороднымъ и 2) значительный перевѣсъ мужескаго пола надъ женскимъ. На 100 мужчинъ здѣсь приходится 54 женщины.

Въ 1863 году было: 4,322 мужчинъ, 1,842 женщины, всего 6,164; на 100 мужчинъ 43 женщины.

И такъ, хотя въ восьмилѣтній періодъ населеніе и удвоилось,

но численное отношеніе между мужчинами и женщинами измѣнилось гораздо въ меньшей пропорціи.

Количество различныхъ вѣроисповѣданій распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Наименованіе вѣроисповѣданій.	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Римско-католическаго	131	1	132
Протестантскаго	22	2	24
Магометанскаго	550	152	702
Буддійскаго	136	87	223
Еврейскаго	14	—	14
Раскольниковъ	15	13	28

Затѣмъ все остальное населеніе православнаго вѣроисповѣданія.

Главнѣйшее занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Роды воздѣлываемыхъ злаковъ суть: рожь яровая и озимая, пшеница, овесъ, ячмень, просо и греча. Кромѣ того, въ значительномъ количествѣ засѣвается картофель.

Въ 1871 году было:

	Посѣяно четвертей.	Снято четвертей.
Ржи { озимой	498	1,754
{ яровой	249	2,922
Пшеницы яровой	1,937	19,022
Овса	3,079	33,831
Ячменя	420	1,881
Гречи	23	191
Картофеля	223	1,239

Хлѣбъ служитъ для собственнаго употребленія и не вывозится за границу. Впрочемъ, часть его сбывается киргизамъ, а часть идетъ на винокуренный и пивоваренный заводы.

Огородничествомъ жители занимаются весьма охотно. Въ числѣ воздѣлываемыхъ овощей достоинъ быть упомянутымъ особый видъ сладкихъ дынь изъ кульдѣжскихъ сѣмянъ.

Нельзя не сказать еще объ одной отрасли вѣрненской производительности, представляющей исключительную рѣдкость во всей Средней Азій, именно о пчеловодствѣ. Пчеловодство началось здѣсь съ 1857 года; въ 1859 году было 254 ульи; въ 1871 году имѣлось 75 пасѣкъ и до 1,456 ульевъ. При этомъ надо замѣтить, что 1869 и 1870 годы были неблагоприятны для пчеловодства вслѣдствіе засухъ, отъ которыхъ цвѣтъ на травѣ и деревьяхъ посахъ и пчелы остались безъ пищи.

Послѣ земледѣлія главнѣйшая отрасль народной производительности есть скотоводство.

Въ 1871 году въ Вѣрномъ было слѣдующее количество скота:

Лошадей	3,611	штукъ.
Рогатаго скота	2,266	»
Овецъ	729	»
Свиней	449	»
Козъ	126	»
Верблюдовъ	88	»

Итого 7,369 штукъ.

Въ 1862 году было скота только 4,460 штукъ.

Изъ крупной заводской производительности могутъ быть упомянуты винокуренное, водочное, кожевенное и кирпичное производства. Остальные находятся въ кустарномъ видѣ.

Въ 1871 году было заводовъ:

Наименованіе заводовъ.	Число.	Количество произ-водства.	Сумма произв-ства.	Число рабочихъ.
Винокуренный	1	45,000 ведеръ	171,000	145
Пивоваренный	1	1,755 »	1,540	5
Кожевенныхъ	3	236,59 штукъ	82,774	57
Кирпичныхъ	11	520,000 »	7,800	52
Водочный	1	1,688 »	7,524	6
Итого	17	»	270,638	265

Торговля Вѣрнаго, благодаря выгодному положенію города въ средоточіи путей изъ Кульдѣжи въ Ташкентъ и въ Коканское ханство и изъ Кашгара въ Семипалатинскъ, развивается замѣтнымъ образомъ. Прежде караваны проходили черезъ Вѣрный не останавливаясь; въ послѣднее же десятилѣтіе они стали разгружаться для попутной распродажи. Кромѣ того, много купцовъ изъ Ташкента и сосѣднихъ владѣній (коканскихъ, кашгарскихъ и изъ Кульдѣжи) парочно приходятъ сюда для продолжительной торговли.

Въ окрестностяхъ Вѣрнаго производится ежегодно значительная закупка скота у киргизовъ не только для Ташкента и Кульдѣжи, но и для Петровска, до котораго слишкомъ тысяча двѣсти верстъ.

Въ настоящее время, въ Вѣрномъ два базара: большой и малый, а все число лавокъ (въ 1871 году) простиралось до 390, тогда какъ въ 1863 году ихъ было около 50, а въ 1859 около 20.

Вѣрненская торговля развивается по мѣрѣ того, какъ упрочивается

спокойствіе на границахъ и утверждаются дружескія отношенія съ сосѣдями.

Теперь наша граница совершенно безопасна только со стороны Кокана и Кульджи, занятой нашими войсками. Отношенія же къ Кашгару и къ другимъ провинціямъ, принадлежавшимъ прежде Китаю, не дозволяютъ вести свободной и безпрепятственной торговли. Нѣтъ сомнѣнія, что болѣе благоприятныя политическія отношенія со стороны Кашгара и дунганскихъ провинцій повліяютъ выгодно и на развитіе вѣрненской торговли (*).

Проведеніе телеграфа также окажетъ благотворное содѣйствіе развитію всѣхъ отраслей производительности. Телеграфныя столбы пожертвованы всѣмъ земствомъ Семирѣченской Области (въ томъ числѣ и киргизами) и уже разставлены до самаго Вѣрнаго. Есть надежда, что въ нынѣшнемъ году проволоку успѣютъ протянуть отъ Семипалатинска не только до Вѣрнаго, но и дальше по дорогѣ въ Ташкентъ, до границъ Сыръ-Дарьинской Области, а въ будущемъ году телеграфная проволока, вѣроятно, протянется и до Ташкента.

Грамотность въ Вѣрномъ также дѣлаетъ нѣкоторые успѣхи. Здѣсь слѣдующія школы:

- 1) Приходская школа въ Алматинской станицѣ. Въ ней обучается 175 мальчиковъ и 39 дѣвочекъ.
- 2) Приходская школа въ Алматинскомъ выселкѣ, гдѣ обучается 45 мальчиковъ.
- 3) Мусульманская школа въ Татарской слободкѣ, съ 70 учениками, которые обучаются муллою.
- 4) Ремесленная школа съ 21 ученикомъ, обучающимся, кромѣ грамоты, еще различнымъ ремесламъ.
- 5) Школа садоводства съ 21 ученикомъ, которые обучаются опытнымъ садоводомъ изъ Крыма. Эта послѣдняя школа выстроена въ прекрасномъ городскомъ саду, гдѣ ученики усвоенное по теоріи

(*). Вотъ цѣны на нѣкоторые предметы на вѣрненскомъ рынкѣ:

Муки ржаной куль (девять пудовъ вѣсу) стоитъ 4 руб. 25 коп.; муки пшеничной куль такого же вѣсу 4 руб. 64 коп.; за перемолъ ржи или пшеницы берется $2\frac{2}{3}$ коп.; рису пудъ стоитъ 2 руб. $47\frac{1}{2}$ коп.; овса четверть (5 пудовъ 20 фунтовъ вѣсу) 2 руб. 84 коп.; сѣна пудъ $18\frac{1}{2}$ коп.; говядины 2 руб. $13\frac{1}{2}$ коп.; баранины пудъ 1 руб. 73 коп.; масла коровьяго пудъ 12 руб. $24\frac{1}{2}$ коп.; рыбы свѣжей пудъ 2 руб. 3 коп.; соли пудъ 70 коп.; свѣчей стеариновыхъ пудъ 17 руб. 56 коп.; свѣчей сальныхъ пудъ 5 руб. 84 коп.; дровъ однополѣнныхъ сажень 4 руб. $13\frac{1}{2}$ коп.; вина ведро 6 руб. $55\frac{1}{2}$ коп.; спирту ведро 13 руб. 11 коп.; меду пудъ 10 руб. 20 коп.; желѣза полосоваго пудъ 4 руб. 70 коп.

Плата рабочему въ день: пѣшему 35 коп.; съ лошадыю 1 руб. 10 коп.; съ парюю воловь 1 руб. 75 коп.

(въ теченіе зимы) примѣняютъ на практикѣ (въ теченіе лѣта). Ученики набираются изъ всѣхъ станицъ Семирѣченской Области, и по окончаніи курса приносятъ въ свои деревни правильныя понятія въ лѣсоводствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ.

Въ приходскія и въ ремесленную школу поступаютъ дѣти не только казачьяго сословія, но и привилегированнаго, хотя число послѣднихъ и не велико.

Въ населеніи Вѣрнаго большой охоты къ чтенію не замѣчается. Городской библиотеки и до сихъ поръ еще не заведено. Публика удовлетворяется кое-какими книгами, выписываемыми при управленіяхъ и штабахъ батальоновъ.

Въ вѣрненской областной почтовой конторѣ въ 1872 году получается 46 названій различныхъ періодическихъ изданій, въ количествѣ 178 экземпляровъ; но это количество не все остается въ Вѣрномъ, а часть экземпляровъ идетъ въ тѣ пункты Области, куда еще не устроенъ почтовый трактъ.

Больше всего выписывается военныхъ изданій («Русскаго Ивалида» 14 экземпляровъ и «Военнаго Сборника» 12); затѣмъ слѣдуютъ: «Сіяніе» 14 экземпляровъ и «Дѣло» 9; далѣе идутъ изданія относящіяся до моды («Модный Свѣтъ» 8 экземпляровъ, «Новый Русскій Базаръ» 7 и «Ваза» 6 экземпляровъ); «Отечественныя Записки» и «Иллюстрація» получаютъ въ количествѣ 7-ми экземпляровъ, «Вѣстникъ Европы», «Сенатскія Вѣдомости», «Досугъ и Дѣло» и «Сынъ Отечества» въ количествѣ 6-ти экземпляровъ, «Сборникъ Романовъ» и «Биржевыя Вѣдомости» въ количествѣ 5-ти экземпляровъ. Остальныя изданія выписываются въ меньшемъ числѣ экземпляровъ.

Относительно нравственности, къ сожалѣнію, ничего нельзя сказать утѣшительнаго. Пьянство сильно развито и едва ли уменьшается. Здѣсь пьютъ не только мужчины и женщины, но и дѣти обонхъ половъ. Пьянство и другія причины порождаютъ въ здѣшнемъ населеніи и самоубійства, случающіяся довольно часто.

Нравственныя прочаго населенія здѣсь малоросы, отличающіеся честностью, трудолюбіемъ и кротостью характера; но случаи самоубійства встрѣчаются и между ними. Они пришли сюда недавно, и надо полагать, что совершенно чуждая имъ среда и обстановка развиваютъ въ нихъ тоску по родинѣ, которая иногда и разрѣшается самоубійствомъ.

Мѣры принимаемыя къ уменьшенію пьянства въ населеніи, по всей вѣроятности, будутъ содѣйствовать и къ поднятію его нравственнаго уровня.

III.

отъ ВѢрнаго до Кульджи.

При-илийская степь.—Выселокъ Илийскій.—Рѣка Или.—Чингильдинскій родникъ.—Хребетъ Чулакъ-тау.—Перевалъ Алтынъ-Имельскій.—Равнина Тугурекъ.—Ущелье Койбынъ.—Выселокъ Борохудаяръ.—Путь отъ Борохудаяра до Кульджи.—Крѣпости Чинъ-чао-данъ и Суйдуиъ.—Дорога въ Кульджу.

Изъ ВѢрнаго въ Кульджу дорога идетъ сперва по тракту на Сергіополь вплоть до Алтынъ-Имельскаго пикета, откуда уже сворачиваетъ на востокъ. По выѣздѣ изъ ВѢрнаго, взору путника представляется широкая, раздольная степь, своимъ видомъ напоминающая нашу новороссійскую степь. Частыя балки и здѣсь, точно такъ же какъ и въ Новоросіи, перерѣзываютъ дорогу. Но по мѣрѣ того какъ дорога удаляется отъ Алатавскаго хребта, подвигаясь болѣе и болѣе къ сѣверу, балки съ горными ручьями на днѣ становятся рѣже. Дорога проходитъ вблизи змѣящейся рѣчки Алматинки, которая доставляетъ орошеніе кочевому люду, обитающему по ея теченію.

Почва степи песчано-глинистая, мѣстами солонцоватая и весьма плодородная. Густая трава, покрывающая степь, время отъ-времени перемежается пашнями кочевниковъ, зачастую прилегающими къ самой дорогѣ.

Верстахъ въ 70-ти отъ ВѢрнаго, у выселка Илийскаго, надобно переправляться черезъ широкую и многоводную рѣку Или.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, когда Или была еще нашею пограничною рѣкою, здѣсь было сооружено маленькое укрѣпленіе съ двойною цѣлью: для обезпеченія нашей границы и для сбора таможенныхъ пошлинъ съ каравановъ. И теперь еще надъ станціоннымъ домикомъ (гдѣ прежде жилъ сборщикъ пошлинъ) сохранилась вышка, на которой хаживалъ часовой, зорко наблюдавшій за тѣмъ, чтобы изворотливые купцы не переправлялись гдѣ-нибудь выше или ниже. Съ отнесеніемъ нашей границы далеко на югъ и съ уничтоженіемъ таможеннаго сбора, значеніе укрѣпленія исчезло, вслѣдствіе чего оно и упразднилось. Теперь на этомъ мѣстѣ осталось только десятка два домиковъ поселенцевъ изъ казачьяго сословія. Такъ какъ грунтъ вокругъ выселка песчано-каменистый и неплодородный, то жителямъ нѣтъ возможности заниматься хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Средствомъ къ существованію служить рыболовство въ рѣкѣ Или. Пойманную рыбу жители выселка обмѣниваютъ въ ВѢрномъ на хлѣбъ и другіе необходимые продукты. Вотъ причина, почему обитатели выселка бѣдны. Когда на Или разовьется пароходство, то, конечно, благосостояніе ихъ подымется.

Рѣка Или въ мѣстѣ переправы имѣетъ до 100 сажень ширины. Правый берегъ ея крутъ и высокъ. Глубина у этого берега около двухъ сажень, а у лѣваго около полусажени. Во время разлива рѣки, съ конца іюня до начала августа, уровень воды сильно подымается. Берега илисты, и потому вода въ рѣкѣ мутна и не вкусна. Рѣка вообще многоводна и пароходство по ней возможно. Въ настоящее время, кульджинскіе сарты стали спускать по Или на плотахъ лѣсъ и каменный уголь. Одинъ вліятельный купецъ въ ВѢрномъ приступилъ даже къ постройкѣ парохода, который, по всей вѣроятности, вскорѣ и будетъ спущенъ. Теперь переправа черезъ рѣку производится на трехъ небольшихъ паромахъ.

За рѣкой Или мѣстность становится волнистою и песчаною. Дорога идетъ сперва по берегу, потомъ отклоняется къ сѣверу.

На первомъ пикетѣ отъ переправы (станція Чингильды) находится весьма интересный родникъ. Чистая и свѣтлая вода его обнаруживаетъ серебристую поверхность дна, которое кажется отстоящимъ отъ поверхности воды не болѣе какъ на четверть аршина. Множество маленькихъ рыбокъ, касаясь гладкаго дна, оставляютъ на немъ бороздки. Вы погружаете руку въ надеждѣ достать серебристаго песку, и дно, какъ призракъ, исчезаетъ подъ вашей рукой. Берете длинную палку, опускаете ее въ воду и она уходитъ вся безъ сопротивленія. Мы говорили на станціи, будто въ этотъ заколдованный родникъ опускали тяжесть сажень на двѣнадцать глубины и твердаго дна все-таки не доставали. Свѣтлое песчаное дно оказывается толстымъ илистымъ грунтомъ, надъ которымъ только въ видѣ тонкаго слоя сочится вода. Во избѣжаніе несчастныхъ случаевъ, надъ родникомъ устроенъ навильонъ. Вода въ ключѣ здоровая и пріятная на вкусъ.

По мѣрѣ приближенія къ хребту Чулакъ-тау грунтъ дороги становится все болѣе песчанымъ, а верстахъ въ девяти отъ станціи Карачекинской, когда дорога начинаетъ подыматься въ горы, является по преимуществу каменистымъ. Свой горный характеръ дорога сохраняетъ вплоть до Алтынъ-Имельской станціи, гдѣ она раздваивается: одна вѣтвь идетъ на Сергіополь, и далѣе на Омскъ, другая круто поворачиваетъ на востокъ, въ Кульджу. Отсюда почтовый трактъ въ Кульджу устроенъ русскою администраціею лишь въ 1870 году, тотчасъ по занятіи нашими войсками Кульджинской провинціи. Несмотря на свое недавнее существованіе, несмотря на трудности, сопряженные съ содержаніемъ почтоваго дѣла

въ только-что завоеванномъ краѣ, трактъ этотъ содержится весьма удовлетворительно.

Хребетъ Чулакъ-тау имѣетъ общее направленіе отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, но покатости его неравны: сѣверо-западная покатость гораздо шире, и хребетъ распространяется отрогами и возвышенными площадями на нѣсколько десятковъ верстъ; юго-западная покатость, напротивъ, крута, и съ этой стороны хребетъ имѣетъ видъ грозной, непрерывной стѣны, тянущейся длинною линіею. Хотя вершины хребта и не блещутъ вѣчнымъ снѣгомъ, но видъ его съ юго-западной стороны живописенъ, и, наоборотъ, сѣверо-западная покатость, по которой идетъ вѣрненско-сергіопольская дорога, мертвенно-сучья и однообразна.

Спускъ съ хребта, по дорогѣ въ Кульджу, начинается въ 12^{1/2} верстахъ отъ станціи Алтынъ-Имельской. Онъ тянется всего лишь на протяженіи шести верстъ, и называется Якши-Алтынъ-Имельскимъ проходомъ. Крутой спускъ этотъ довольно грандіозенъ. Дорога проходитъ въ расщелинахъ скалъ, грозно нависающихъ надъ головою. Часто скалы расходятся, и тогда съ покатости впереди открывается огромная равнина, окоймленная съ южной стороны среднимъ теченіемъ Или. Въ настоящее время ущелье хорошо разработано и не представляетъ никакихъ трудностей для движенія. Ущелье названо Якши (хорошимъ) Алтынъ-Имельскимъ, въ отличіе отъ Яманъ (дурного) Алтынъ-Имельскаго, лежащаго рядомъ и составляющаго еще болѣе сильное пониженіе хребта. Это послѣднее считалось болѣе труднымъ для движенія, почему и названо «дурнымъ».

Но отчего оба перевала получили названіе Алтынъ-Имель (золотое сѣдло) угадать трудно. По всей вѣроятности, кочевники назвали ихъ такъ потому, что перевалы эти давали имъ возможность переходить черезъ хребетъ. Существуетъ, впрочемъ, легенда, будто одинъ калмыцкій ханъ, спасаясь отъ преслѣдованія, зарылъ свое золотое сѣдло въ одинъ изъ этихъ переваловъ. Но здѣсь очевидно, что не ущелье получило названіе отъ легенды, а, наоборотъ, похѣдилъ сложилась уже тогда, когда ущелье приобрѣло свое прозваніе. Какъ бы то ни было, никакихъ драгоценностей въ горахъ не открыто, и только въ Яманъ-Алтынъ-Имельскомъ ущельѣ находятся богатые ломки мрамора.

Спустившись на равнину, приходится ѣхать по мѣстности печально-однообразной, бесплодной, непаселенной и замкнутой почти со всѣхъ сторонъ скалистыми грядами горъ. Только на югѣ эта возвышенная равнина оканчивается песками, примыкающими къ Или.

Смотря по названію окоймляющихъ равнину горъ, она получаетъ и различныя наименованія, какъ-то: Тугурекъ, Копуръ-уленъ и проч. Песчано-каменистый грунтъ и отсутствіе воды лишаютъ степь растительности; лишь мѣстами, въ видѣ узкой полосы, либо пятенъ, являются влажныя мѣста, а съ ними и зелелѣющая трава, или осока.

Проѣхавъ верстъ семьдесятъ этой степью, верстахъ въ одиннадцати передъ станціей Койбынъ, снова слѣдуетъ ущельемъ, которое замѣчательно тѣмъ, что горный хребетъ (Кой-бынъ) здѣсь какъ будто треснулъ до самаго основанія и образовалъ коридоръ, такъ что дорога идетъ между горными массами, нѣсколько не измѣняя своего горизонтальнаго положенія. Каменный коридоръ тянется змѣей почти на протяженіи пяти верстъ. Громадныя щеки коридора, составленныя изъ плитъ или скалистыхъ нагроможденій краснаго и фіолетоваго камня, поражаютъ своимъ дикимъ величіемъ. Съ расширеніемъ ущелья, горы, его образующія, понижаются и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется ихъ строеніе: изъ красныхъ и каменистыхъ, онѣ дѣлаются желтыми и глинистыми. Во время дождя, ущелье быстро наполняется водою, которая, скатившись по щекамъ, образуетъ на днѣ стремительные и иногда довольно глубокіе потоки.

Переваливъ у станціи Койбынъ черезъ крутую глинистую гору, ѣдешь по глинистой, волнистой мѣстности, чрезвычайно раскисающей въ дождливое время. Здѣсь, при дождѣ, весьма быстро образуются потоки, которые, вымывая ложе въ мягкомъ грунтѣ, какъ бы пролагаютъ канавы и тѣмъ затрудняютъ путь.

Волнистая мѣстность мало по-малу переходитъ въ совершенную равнину, съ болѣе твердымъ грунтомъ, обнаженнымъ отъ всякой растительности. Только виднѣющийся впереди высокой снѣговой хребетъ Борохоро нѣсколько разнообразитъ печальную степь.

По приближеніи къ Борохузтуру, почва становится снова глинистою и даже глинисто-солонцоватою.

Борохузиръ есть недавно возникшій городокъ, или, правильнѣе, поселокъ, на нашей границѣ съ бывшими провинціями Китая. Съ учрежденіемъ Туркестанскаго округа, для обезпеченія нашей границы отъ вторженія различныхъ хищническихъ шаекъ, на рѣкѣ Борохузирѣ, равно какъ и на другихъ пограничныхъ пунктахъ, были выставлены отряды. Эти отряды должны были изображать собою какъ бы пограничныя укрѣпленія, и потому найдено было необ-

ходимымъ сдѣлать для нихъ помѣщеніа, т. е. построить казармы и другія воинскія зданія.

Вскорѣ подъ прикрытіемъ отрядовъ стали поселяться выходцы изъ Китая, калмыки, а въ концѣ прошлаго (1871) года пришли въ Борохузиръ тридцать пять семействъ крестьянъ изъ Томской губерніи, которые успѣли уже основать настоящій русскій поселокъ. Переселенцы эти и суть пионеры русской колонизаціи. Печальный пока видъ представляетъ поселокъ. На ровной, заросшей бурьяномъ, мѣстности, торчатъ сиротливо десятка три глиняныхъ домиковъ, съ окнами, въ которыхъ, вмѣсто стеколъ, вклеена бумага. Возлѣ домиковъ, по распоряженію мѣстнаго начальства, разводятся садики. Постройка деревянныхъ зданій, во избѣжаніе пожаровъ и вслѣдствіе другихъ причинъ, запрещена. Изъ лѣса, который растетъ верстахъ въ 35 отъ поселка, въ горахъ, дозволено только дѣлать кровли и употреблять его на подѣлки. Воду для орошенія полей поселенцы берутъ изъ руки Борохузира, бывшаго притока рѣки Или, текущей отсюда верстахъ въ тридцати. Рѣчка Борохузиръ имѣетъ до одной сажени ширины и течетъ въ плоскихъ глинистыхъ берегахъ, вслѣдствіе чего весьма грязна, такъ что вода ея больше похожа на квасную гущу. Рѣчка не доходитъ до Или, потому что вся разбирается на пашни. Почва въ окрестностяхъ Борохузира весьма плодородна и даетъ богатые урожаи. Года три тому назадъ, здѣсь былъ сдѣланъ опытъ посѣва хлопчатника, давшій блестящіе результаты.

Поселенцы весьма довольны своимъ положеніемъ и дѣятельно устраиваются на новосельѣ. По вечерамъ, послѣ дневныхъ трудовъ, молодежь поселка собирается вмѣстѣ и оглашаетъ воздухъ звонкими пѣснями и играми.

Благосостояніе Борохузира, безспорно, увеличится, когда на Или учредится пароходство. Въ настоящее время, въ Борохузирѣ есть одна только достопримѣчательность: прекрасный, хотя и очень маленький садикъ, въ которомъ, между прочимъ, произрастаютъ персики и абрикосы. Этотъ садикъ общественный; онъ посаженъ года три-четыре тому назадъ, и теперь уже приносить плоды. Видъ прекраснаго, благоустроеннаго садика, среди ровной, раскаленной степи, производитъ весьма пріятное впечатлѣніе. Это точно капли живительной росы на языкъ иссушенный жаждою. Рѣка Борохузиръ до послѣдняго времени считалась (да и теперь еще официально считается) нашею пограничною рѣкою. Отсюда начинались

земли, составлявшія, такъ называемую, Кульджипскую или Илискую провинцію, въ прошломъ году занятую нашими войсками.

Характеръ мѣстности отъ Борохузира измѣняется значительно. Почтовая дорога въ Кульджу проходитъ по мѣстности, сохранившей слѣды могучей культуры.

Нѣсколько десятковъ верстъ вы ѣдете пассажирамъ лѣсомъ, въ которомъ частые горные ручьи, пересѣкающіе дорогу, давали возможность не только разводять и поддерживать деревья, но и воздѣлывать пашни. Нынѣ арыки заглохли, пашни заброшены, деревья частью засохли, частью истреблены. Развалины городовъ, чрезъ которые проходитъ дорога, еще болѣе усугубляютъ безотрадное чувство. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, въ этихъ городахъ кипѣла еще жизнь; здѣсь обитало племя болѣе цивилизованное, чѣмъ то, которое населяетъ Туркестанъ. Нынѣ остались только торчащія стѣны, груды мусора, почернѣвшія отъ пожара деревья, разрушенныя молебны съ кумирами, поверженными въ прахъ.

Лѣсъ, тянущійся отъ Борохузира до развалинъ Акъ-кента и далѣе, на нѣсколько верстъ, состоитъ по преимуществу изъ карагача, затѣмъ изъ тальника и джиды (цареградской вербы). Но эти породы деревьевъ здѣсь невысоки и больше походятъ на крупные кустарники; только въ районахъ разрушенныхъ городовъ попадаются по нѣскольку высокихъ тополей, яблоней и карагача.

Изъ невысокихъ кустарниковъ здѣсь встрѣчаются саксаульникъ и колючка, а изъ травъ осока, полынь, сладкій корень и другіе. Грунтъ по преимуществу глинистый, либо солонцоватый; по мѣстамъ попадаетъ галька, сопровождающая теченіе горныхъ рѣчекъ, которыя берутъ начало въ хребтѣ Борохоро, тянущемся грозною, высокою стѣною влѣво отъ дороги, верстахъ въ двадцати-тридцати отъ нея. Одна изъ такихъ горныхъ рѣчекъ Усѣкъ, протекающая въ 14-ти верстахъ отъ Борохузира, имѣетъ довольно почтенные размѣры. Разбиваясь на нѣсколько рукавовъ, она въ главномъ своемъ руслѣ имѣетъ свыше десяти сажень ширины, а глубины въ невысокую воду до одного аршина. Въ періодъ полноводія (въ іюнѣ и іюлѣ), при чрезвычайной быстротѣ теченія, переправа чрезъ рѣчку (въ бродѣ) сопряжена съ большими затрудненіями. Прѣхавшій благополучно, т. е. не опрокинувшійся въ воду и не растерявшій своихъ пожитковъ, долженъ считать себя счастливимъ и возблагодарить провидѣніе. Уровень воды въ рѣчкѣ измѣняется такъ же и въ теченіе сутокъ: послѣ полудни вода стоитъ болѣе высокая, чѣмъ рано утромъ.

Лѣсъ имѣемъ многочисленныхъ обитателей: изъ птицъ здѣсь видятъ, между прочимъ, кукушки, фазаны, соловьи; изъ звѣрей особенно замѣчательны кабаны и тигры, обитающіе въ при-илийскихъ камышахъ. Изъ пасѣемыхъ здѣсь несмѣтное количество оводовъ и слѣпней беспокоящихъ скотъ. Людское населеніе по дорогѣ почти не встрѣчается; кочевники-калмыки находятъ здѣсь, впрочемъ, надежное пристанище зимою, кочуя лѣтомъ въ горахъ Борохоро.

За лѣсною полосою вплоть до рѣки Хоргоса (верстѣ двадцать) тянется открытая, постепенно возвышающаяся къ рѣкѣ, песчаная и безплодная мѣстность. Переправа черезъ Хоргосъ происходитъ у развалинъ китайскаго города того же имени. Рѣка здѣсь течетъ, разбиваясь на многіе рукава, по широкому (версты двѣ) каменистому ложу. Главный рукавъ, по принципѣ быстрого теченія, глубины (до осей экипажа) и свойства дна, состоящаго изъ крупныхъ камней, даже и не въ полную воду затрудняетъ переправу. Вообще здѣсь, какъ и на Усѣкѣ, необходимо было бы устроить мосты. Отъ Хоргоса до Чипъ-ча-хо-дзи и далѣе до Суйдуна мѣстность ровная, либо слегка волнистая, пересекаемая логами, по дну которыхъ, устланному галькою, пробѣгаютъ горные ручьи. Берега овраговъ не высоки, хотя, по большей части, круты. По дорогѣ, и въ сторонѣ, также замѣчаются слѣды нѣкогда кипѣвшей, а теперь вымершей жизни. Вы проѣзжаете по развалинамъ города Чимъ-панъ-дзи, одинъ взглядъ на который свидѣтельствуетъ, что городъ этотъ былъ не чета среднеазиатскимъ мусульманскимъ городамъ. По сторонамъ дороги усматриваются какъ бы оазисы деревьевъ: это сады, украшавшіе собою въ былое время деревни и деревушки, нынѣ оставленные и разрушенные.

Крѣпостца Чипъ-ча-хо-дзи, населенная дунганями и сартами, въ прошломъ году была взята нашими войсками штурмомъ. Жители ея, ожидавшіе, согласно припятого въ Азіи обычая, грабежа со стороны побѣдителей, были немало удивлены, когда, по занятіи крѣпости, у нихъ ничего не было взято насильно.

Эта крѣпостца, какъ и слѣдующая за нею Суйдунъ, населенная исключительно дунганями, имѣетъ характеръ уже китайскій. Выступы въ крѣпостныхъ стѣнахъ и у воротъ усилены башенками китайской конструкціи, съ поднятыми кверху углами крышъ. Въ крѣпостяхъ одна или двѣ улицы широкія и прямыя, усаженные деревьями, образующими нѣчто въ родѣ бульвара. Въ постройкахъ преобладаетъ дерево; немногія каменные зданія выстроены изъ прекраснаго жженого кирпича. Мечети (дунгане всѣ мусульмане) сооружены въ родѣ китайскихъ пагодъ. На базарахъ, поперекъ улицъ, воздвигнуты

довольно изящныя арки, украшенныя изображеніями драконовъ, цвѣтовъ и другихъ фигуръ. Женщины на улицахъ не маскируются и не скрываются отъ взоровъ мужчинъ. Но, рядомъ съ этими улучшениями, грязь, вонь и нечистота на улицахъ, въ лавкахъ и домахъ такія же, если не хуже, что и въ мусульманскихъ городахъ Туркестана. Населеніе крайне бѣдное. Въ лавкахъ продаютъ только предметы самой первой необходимости. Возлѣ лавокъ помѣщаются харчевни съ острыми и удушающими запахомъ.

Не доѣзжая верстѣ пяти до Суйдуна, среди дороги, одиноко стоятъ два большихъ дерева (карагача), сросшихся вѣтвѣ у основанія: они считаются *священными*. По рассказамъ туземцевъ, эти два дерева суть прародители всѣхъ лѣсовъ и садовъ (состоящихъ по преимуществу изъ карагача) при-илийской долины. Въ большомъ желвакѣ, соединяющемъ оба дерева, образовалось дупло, сообщающееся съ поверхностью только посредствомъ двухъ-трехъ маленькихъ отверстій. Туземцы увѣряютъ, что въ дуплѣ всегда сохраняется чистая и свѣжая вода. По тщательному осмотру моему, никакой воды въ дуплѣ не оказалось, несмотря на то, что передъ тѣмъ шелъ обильный дождь.

Изъ Суйдуна почтовая дорога проходитъ по волнистой, открытой мѣстности, вдоль подошвы плоскихъ отроговъ Талкинскаго хребта, средняя часть котораго носитъ названіе *Кумыръ-тау* (угольные горы) отъ огромныхъ залежей каменнаго угля, содержащихся въ горахъ. Разработка угля происходитъ верстахъ въ пятнадцать не доѣзжал Кульджи, къ сѣверу отъ дороги.

Вправо отъ дороги тянется населенная и воздѣланная долина рѣки Или. Опустошеніе и развалины городовъ и здѣсь свидѣтельствуютъ о недавней рѣзнѣ и о взаимномъ истребленіи народностей. Въ числѣ развалинъ слѣдуетъ упомянуть объ обширныхъ остаткахъ большого города—китайской Кульджи, виднѣющихся на самомъ берегу Или, вправо отъ дороги, вскорѣ послѣ выѣзда изъ Суйдуна. Еще одна такая же обширная могила встрѣчается и верстахъ въ десяти не доѣзжая Кульджи таранчинской. Это развалины города Баяндая, въ которомъ, говорятъ, было до 17,000 жителей.

У Баяндая подошва отроговъ Талкинскаго хребта круто поворачиваетъ къ сѣверу, дорога выходитъ на равнину и идетъ до Кульджи по прекрасно воздѣланному мѣстамъ, занятымъ пашнями, огородами, хуторами и т. под. Миновавъ небольшой городокъ Чимъ-панъ-дзи, лежащій въ четырехъ верстахъ отъ Кульджи и населенный исключительно китайцами, вы вскорѣ вѣзжаете въ предмѣстья,

которые приводятъ васъ прямо къ высокой глиняной съ башнями стѣнѣ самаго города Кульджи, не отдѣленнаго отъ предмѣстій никакою эспланадою.

IV.

КУЛЬДЖА.

Мѣсторасположеніе Кульджи.—Рѣка Или.—Климатъ.—Разноплеменность кульджинскаго населенія.—Китайцы и ихъ владчество въ Илійской провинціи.—Дунгане.—Таранчи.—Общій видъ города.—Базары.—Китайская купюра.—Китайская католическая часовня.—Статистическія данныя о Кульджѣ.—Число зданій.—Количество населенія.—Распрежденіе населенія по вѣроисповѣданіямъ.—Занятія жителей.—Торговля и промышленность.—Хлѣбопашество.—Школы.—Народная нравственность.—Народный судъ.

Городъ Кульджа, о которомъ въ настоящее время идетъ рѣчь, называется еще «старою» или «таранчинскою Кульджею», въ отличіе отъ разрушенной въ 1866 году «новой» или «китайской Кульджи», лежащей отъ старой въ тридцати пяти верстахъ къ юго-западу. Старая Кульджа расположена въ широкой долинѣ рѣки Или, на правомъ ея берегу, въ пяти верстахъ отъ рѣки. Или у Кульджи течетъ въ открытыхъ берегахъ широкою и многоводною рѣкою. Правый берегъ и здѣсь, какъ и вдоль всего теченія, круче, чѣмъ лѣвый. Ширина рѣки около восьмидесяти сажень. Переправа производится на трехъ пармахъ, содержимыхъ русскимъ промышленникомъ. Вслѣдствіе быстроты теченія, особенно при вѣтрѣ, переправа производится медленно. Рѣка замерзаетъ въ теченіе девятиста дней въ году, отъ конца ноября до конца февраля. По Или издавна сплавлялся лѣсъ изъ верховій въ среднія части рѣки.

Почва въ окрестностяхъ города песчано-глинистая и весьма плодородная. Климатъ Кульджи теплый, здоровый и пріятный. Хотя лѣтніе жары здѣсь и доходятъ до 35° Р. въ тѣни, по зной значительно умѣряется перепадающими въ теченіе лѣта дождями. Благодаря весеннимъ дождямъ, хлѣбъ въ окрестностяхъ Кульджи можетъ родиться даже и безъ поливки. Зимы здѣсь ровныя, снѣгъ держится до полутора мѣсяца. Холода зимою доходятъ до—24° Р.

Кульджинская долина защищена со всѣхъ сторонъ, кромѣ западной, высокими горами, и этимъ обстоятельствомъ, какъ кажется, и можно объяснить умѣренность климата, который, при всемъ томъ, благодаря южному положенію страны, даетъ возможность къ произрастанію цѣльныхъ деревьевъ и плодовъ. Такъ, въ кульджинскихъ садахъ растутъ персики, абрикосы, гранаты, виноградъ, яблоки,

груши и тутъ (*). Впрочемъ, всѣ эти плоды мелки и, отъ недостатка ухода, дики. Въ Суйдунѣ, лежащемъ въ сорока верстахъ отъ Кульджи, на западъ, фрукты несравненно лучше, вслѣдствіе чего, съ приходомъ сюда русскихъ, туземцы стали прививать суйдунскія фруктовыя деревья кульджинскимъ. Въ окрестностяхъ Кульджи произрастаетъ даже хлопчатникъ, воздѣлываемый, при отсутствіи предприимчивости, въ ограниченномъ количествѣ. Абрикосы въ Кульджѣ поспѣваютъ во второй половинѣ іюня, а персики въ концѣ іюля и въ началѣ августа.

Господствующій вѣтеръ западный, т. е. съ низовій Или. Этотъ вѣтеръ приноситъ съ собою влагу и дождь.

Кульджа замѣчательна разнородностью своего населенія. Здѣсь, какъ и вообще во всей Илійской долинѣ, смѣшаны самыя разнообразныя племена людей. До начала шестидесятыхъ годовъ, господство принадлежало китайцамъ, которые владѣли надъ болѣе многочисленными племенами дунганей и таранчей.

Сознавая превосходство свое надъ туземцами и отличаясь гордымъ и заносчивымъ характеромъ, китайское правительство и чиновничество не стѣснялось въ способахъ выраженія своего владѣчества. Народъ былъ отягощенъ разными налогами. Кромѣ того, жители Илійской провинціи должны были содержать на свой счетъ многочисленныя стада богдыхана. Собственность населенія нисколько не была обезпечена. Если какая-нибудь вещь принадлежала китайскому чиновнику, то она безъ всякихъ разговоровъ отбиралась. То же самое дѣлалось, если чиновнику принадлежала жена или дочь дунгана или таранчи. Независимо отъ всего этого, народъ испытывалъ и другія униженія. При встрѣчѣ съ китайцемъ, иноплеменникъ долженъ былъ встать, если сидѣлъ, и слѣзть съ коня, если ѣхалъ верхомъ. Такая цѣпь обидъ, униженій и оскорбленій переполнила терпѣніе: дунгане и таранчи возстали и страшно расплатились съ своими угнетателями. Центральное китайское правительство, по своему безсилію, оставалось безучастнымъ зрителемъ рѣзни и отпаденія своихъ провинцій.

Можно быть увѣреннымъ, что правительство богдыхана, едва держащее свою власть въ собственномъ Китаѣ, не въ состояніи будетъ снова покорить отпавшія земли, которыя и прежде подчинились ему больше номинально, чѣмъ фактически. Частыя сверженія династій, безпрестанные мятежи на окраинахъ, расшатали до того

(*) Тутъ растетъ въ изобиліи. Въ нынѣшнемъ году былъ опытъ вывода шелковичныхъ червей, который показалъ, что шелководство въ Кульджѣ можетъ идти съ успѣхомъ.

разношерстный составъ Небесной Имперіи, что теперь, когда возстапіе охватило все провинціи, лежащія къ сѣверу и къ западу отъ «великой стѣны», китайцамъ, даже и при посторонней помощи, управиться съ мятежными землями невозможно.

Достаточно проѣхать по Кульджинской провинціи, гдѣ, на протяжении сотенъ верстъ, видны слѣды страшнаго опустошенія, чтобы убѣдиться въ гнилости не только правительства, но даже національности, допустившей подобный разгромъ.

Дунгане, свергнувъ иго китайцевъ, вскорѣ уступили господство въ Илійской провинціи таранчамъ.

Происхожденіе дунганей загадочное. Приходъ этого племени на настоящія мѣста жительства теряется во мракѣ временъ. Въ Кульдждѣ существуетъ преданіе, будто дунгане пришли сюда еще съ Тимуромъ, и будто бы герой этотъ, женись на китайской принцессѣ, получилъ въ приданое отъ богдыхана Илійскую провинцію. Сподвижники героя послѣдовали примѣру вожди и тоже пережились на китайцахъ. Впослѣдствіи, когда Тимуръ ушелъ во-свои, сподвижники его остались и получили въ подарокъ землю, вслѣдствіе чего дунгане и считаютъ себя ея владѣтелями по праву.

По своему типу, дунгане ближе подходятъ къ тюркскому племени, къ узбекамъ и сартамъ, населяющимъ Ташкентъ, Кашгаръ и другіе города Туркестана, чѣмъ къ китайцамъ. Вѣру они исповѣдуютъ мусульманскую. Во всемъ остальномъ, по языку, одеждѣ и образу жизни—они настоящіе китайцы. Сохранивъ вполнѣ китайскій костюмъ, илійскіе дунгане, однако, усвоили себѣ мусульманскій обычай брить голову и носить на головѣ тубетейку.

Во всякомъ случаѣ, можно предполагать, что дунгане принадлежали сперва къ тюркскому племени, но потомъ смѣшались съ китайцами и приняли отъ послѣднихъ цивилизацію. А такъ какъ въ дѣлѣ религіи китайцы самый равнодушный народъ въ мірѣ, мусульмане же, наоборотъ, по преимуществу фанатики, то дунгане, воспринявъ отъ китайцевъ все, остались при своей прежней вѣрѣ.

Таранчи принадлежатъ уже къ чисто-тюркскому племени. Они переселены въ концѣ прошлаго вѣка (въ 1770 годахъ) изъ восточнаго Туркестана (изъ городовъ Турпана, Акъ-су, Кашгара и другихъ) съ цѣлью развить хлѣбопашество и земледѣліе въ Илійской долинѣ, разоренной и завоеванной незадолго передъ тѣмъ китайцами. Слово «таранча» по-китайски и значитъ «земледѣлецъ». По распоряженію китайскаго правительства, къ числу переселенцевъ были отнесены преимущественно преступники и вообще люди дурной нравственности.

Такихъ переселенцевъ выслано было до 7,000 семействъ. Отъ браковъ съ дунганями они размножились, окрѣпли, и даже были въ состояніи, послѣ китайскаго погрома, вырвать гегемонію изъ рукъ дунганей.

Живя среди китайской обстановки и цивилизаціи, таранчи, какъ въ Кульдждѣ, такъ и въ другихъ городахъ Илійской провинціи, усвоили весьма многое отъ китайцевъ. Женщины ихъ ходятъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ, несмотря на строгое предписаніе шаріата закутываться въ халатъ и закрываться густою сѣткою. Въ домахъ введена нѣсколько улучшенная обстановка: въ комнатахъ устраиваются пары, устанавливаются столы, табуреты, а то и кресла самой простой конструкціи. Въ одеждѣ таранчи тоже не строго держатся предписаній корана и научились мѣнять подчасъ широкій и неуклюжій халатъ на болѣе короткую и удобную поддевку. Кромѣ того, китайцы научили таранчей употребленію каменнаго угля для топлива и для фабричныхъ производствъ, и пр. и пр.

Преобладающее населеніе старой Кульджи—таранчи; вотъ почему и фізіономія города не имѣетъ чисто-китайскаго характера. Замѣчательно, что двѣ главныя мечети въ Кульдждѣ построены въ чисто-китайскомъ стилѣ, тогда какъ китайская кумирня имѣетъ видъ самой простой лачуги.

Построенъ изъ жженого кирпича съ фигурными изображеніями и съ черепичною крышею, воздвигнутыхъ еще китайцами, осталось весьма немного въ Кульдждѣ. Все почти дома глинобитные, съ камышевою крышею, приземистые, темные, невзрачные, имѣющие типъ общій всемъ постройкамъ мусульманскихъ средне-азіатскихъ городовъ.

Въ городѣ два базара: таранчискій (въ крѣпости) и китайскій (въ предмѣстьи). Базары отличаются отъ средне-азіатскихъ только тѣмъ, что лавки нѣсколько просторнѣе и въ нихъ устроены выручки, загораживающія входъ и отдѣляющія внутреннее помѣщеніе отъ покупателей. Базарныя улицы сверху непокрыты, вслѣдствіе чего не защищены ни отъ дождя, ни отъ зноя. На китайскомъ базарѣ въ лавкахъ зачастую торгуютъ женщины, и здѣсь же подчасъ усматриваются въ продажѣ цвѣты—особенность чисто-китайская, такъ какъ въ мусульманскихъ городахъ продажа цвѣтовъ показалась бы чистѣйшею нечѣстью.

Въ китайской части города, на базарѣ есть нѣсколько ресторановъ, въ которыхъ насыщаются правовѣрные. Копѣекъ за двадцать голодный наѣдается власть. Въ этихъ ресторанахъ замѣчательно разнообразіе приготовляемыхъ блюдъ. Чтобы попасть въ ресто-

рашъ, нужно пройти сперва черезъ кухню, выходящую прямо на улицу и раздражающую обоняніе прохожихъ. Несмотря на то, что кухни содержатся опрятно и приготовленіе кушанья довольно чисто, острый и удушливый запахъ еще издали даетъ знать о присутствіи ресторана, и европейцу надо имѣть очень крѣпкіе нервы, чтобы долгое время выносить этотъ запахъ.

Главнѣйшія улицы въ городѣ вымощены мелкимъ камнемъ; вдоль ихъ проложены арыки, хорошо выложенные кирпичемъ. Городъ вообще бѣдный и грязный; особенно грязна китайская часть. Движеніе народа въ китайской части больше; тогда какъ на таращинскомъ базарѣ солидные мусульмане чинно сидятъ въ своихъ лавкахъ, позѣвывая и отгоняя мухъ особымъ снарядомъ изъ волосяной метелки, приделанной къ ручкѣ, на китайскомъ базарѣ вѣчное движеніе, суета, шумъ. Продавцы товаровъ выкрикиваютъ и зазываютъ покупателей. Толпы ребятишекъ, частью полунагихъ, частью совершенно нагихъ, снуютъ взадъ и впередъ.

Въ толпѣ мужчинъ выдѣляются китайки въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ, на маленькихъ уродливо-сдавленныхъ ножкахъ, на которыхъ онѣ ходятъ съ трудомъ, точно на ходуляхъ, покачиваясь въ стороны.

На каждомъ шагу натыкаешься на продавцевъ, у которыхъ весь товаръ помѣщается въ одной рукѣ и стоитъ двѣ, три копейки. Вотъ до-нелзя грязный мальчишка, держа на пальцѣ кусокъ баранины, кричитъ что есть мочи, заявляя о своемъ товарѣ....

Наибольшая тѣснота, шумъ и давка происходятъ въ такъ-называемомъ обжорномъ ряду, гдѣ продаются различныя снѣди. За какія нибудь три, четыре копейки бѣднякъ достаточно утоляетъ свой аппетитъ.

Утоливъ голодъ, китайскіе лазарони укладываются гдѣ-нибудь въ холодку возлѣ лавки и, въ теченіе цѣлаго дня, предаются праздности.

Торговля на китайскомъ базарѣ раздѣляется на три категоріи: 1) торговля постоянная, производящаяся въ лавкахъ, въ которыхъ продаются болѣе цѣнные предметы: мата, ситцы, чай, сахаръ, желево и проч.; 2) торговля подвижная — на столикахъ, разставляемыхъ передъ лавками; тутъ продаются вещи уже болѣе дешевыя: простое мыло, зеркальца, деревянные гребешки, свирный табакъ, иголки, горсти двѣ русскихъ конфетъ и проч.; этотъ товаръ на ночь убирается и утромъ снова раскладывается, и 3) торговля раз-

посная, производимая въ корзинахъ, или просто въ рукахъ: сюда относится продажа яицъ, фруктовъ, птицъ и проч.

Сколько-нибудь порядочныхъ вещей въ Кульдждѣ теперь нѣтъ. До 1866 года здѣсь можно было найти китайскія шелковыя ткани, фарфоровыя вещи, драгоценныя камни; пылъ мало-мальски порядочныя ткани и фарфоръ сдѣлался археологическою рѣдкостью и сильно вздорожали.

По занятіи нами Кульджи, особую статью торговли составляли китайскіе «бурханы» (небольшія мѣдныя, либо чугуныя статуйки, изображающія боговъ). И бурханы уже раскуплены.

Грязный и непривлекательный городъ снаружи оказывается еще грязнѣе внутри, т. е. во дворахъ и въ домахъ. Дворы завалены всякою нечистотою, а въ домахъ соръ и беспорядокъ превосходятъ всякое представленіе. Помѣщенія даже богатыхъ и достаточныхъ людей страдаютъ отсутствіемъ свѣта, вентиляціи и чистоты. Китайскіе дома, кромѣ того, отличаются какимъ-то особеннымъ, имъ однимъ свойственнымъ, острымъ запахомъ.

Изъ общественныхъ зданій въ Кульдждѣ, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ мечетей, достойна замѣчанія китайская кумирня. Входъ въ кумирню ведетъ черезъ нѣсколько грязныхъ двориковъ. Въ переднемъ дворикѣ, въ темной копурѣ, помѣщается училище, гдѣ собираются дѣти для изученія правилъ Конфуція. У каждаго мальчугана въ рукѣ по книжкѣ, но учатся всѣ сообща, прикрикивая, подобно тому, какъ это дѣлается въ еврейскихъ и въ мусульманскихъ школахъ.

Самая молельня помѣщается въ темной, но довольно просторной комнатѣ. Обстановка сильно напоминаетъ католическую церковь. У передней стѣны стоитъ большой престолъ, установленный разными лѣстами, свѣтильниками, сосудами, въ которыхъ дымится курево. За престоломъ, равно какъ и по боковымъ стѣнамъ, нарисованы изображенія святыхъ, а надъ престоломъ повѣшено фигурное изображеніе дракона. Фигуры святыхъ отличаются дородностью и полнотою. Вдоль стѣнъ висятъ флаги, въ родѣ хоругвей. Наконецъ, возлѣ престола, привѣшены колокола. По моему желанію, священнодѣйствіе сталъ производить грязный и оборванный субъектъ, который, подъ мѣрные удары колоколовъ, съ пукомъ тлѣющихъ свѣчекъ въ рукахъ, производилъ безконечныя поклоны земные и полужемные, при-ступая и отступая къ жертвеннику или престолу.

Въ важныхъ случаяхъ, взамѣнъ словесныхъ молитвъ, сжигаютъ бумажки, съ написанными молитвами или пожеланіями, въ увѣренно-

сти, что такимъ образомъ возносимыя моления доходятъ скорѣе до Бога (*).

Въ числѣ кульджинскихъ китайцевъ находится человекъ восемьдесятъ исповѣдывающихъ христіанство и называющихъ себя *католикусами*. Они имѣютъ у себя маленькую церковь, расположенную на краю города. При входѣ я былъ встрѣченъ однимъ изъ китайцевъ, обратившихся ко мнѣ со словами: «Христосъ воскресъ!» Сперва надлежало пройти по двумъ маленькимъ и грязнымъ дворикамъ, которые и приводятъ въ небольшую комнату. Въ стѣнѣ, противоположной входу, въ родѣ стѣнного шкафа, устроены двери, ведущія въ крошечную комнату, въ родѣ часовни. Въ этой часовнѣ находится литографированное изображеніе римско-католической Богоматери, Распятіе, два мѣдныя подсвѣчника и на узенькомъ столикѣ, подъ Распятіемъ, лежитъ латинская біблія.

Я взялъ біблію и предложилъ одному изъ присутствовавшихъ китайцевъ прочесть; тотъ прочелъ, но, видимо, не понималъ читаннаго. Вообще кульджинскіе «католикусы» весьма нетверды въ основаніяхъ своей вѣры. На шеѣ они носятъ крестики и молитвы читаютъ на латинскомъ языкѣ. Являясь съ просьбою къ начальству, свои крестики они вывѣшиваютъ снаружи.

Въ домахъ у кульджинскихъ католиковъ на стѣнахъ, вмѣсто иконовъ, усматривается изображеніе креста. Кромѣ того, можно подчасъ видѣть и четки съ крестикомъ, либо съ ладонкою, на которой вышитъ крестикъ.

Христіанство было занесено въ Кульджу французскими мисіонерами, пріѣзжавшими изъ Пекина. Нельзя безъ изумленія отнести къ этимъ воинамъ Христа, проходившимъ столь огромный, дикія пространства, для осуществленія своихъ завѣтныхъ идей!

Вотъ статистическія данныя о числѣ домовъ и о количествѣ народонаселенія въ Кульджѣ (**).

Въ 1872 году въ Кульджѣ находилось:

Церквей православныхъ	1
Римско-католическихъ	1
Китайскихъ кумирень	2

(*) Есть еще одинъ оригинальный способъ молиться: къ колесу привязывается бумажка, съ написанною на ней молитвою; колесо быстро вертится, при чемъ каждый оборотъ колеса считается за отдѣльно произнесенную цѣлую молитву.

(**) Всѣ цифровыя данныя обязательно сообщены завѣдывающимъ кульджинскимъ участкомъ П. Я. Рейнталемъ.

Мечетей	36
Домовъ	1,258
<hr/>	
Всего зданій	1,298

По племенамъ и сословіямъ, кульджинское населеніе распределяется слѣдующимъ образомъ:

	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Всего.
1) Русскихъ:			
Дворянъ потомственныхъ	6	4	10
» личныхъ	12	—	12
Духовенства чернаго	1	—	1
Мѣщанъ	19	7	26
Крестьянъ	9	4	13
Войскъ	714	—	714
Кзакавъ	257	—	257
2) Туземцевъ:			
Таранчей	2,083	1,822	3,905
Дунганей	202	206	408
Китайцевъ	976	776	1,752
Прочихъ народностей (*).	370	225	595
<hr/>			
Итого	4,649	3,044	7,693

Распределеніе народонаселенія Кульджи по вѣроисповѣданіямъ слѣдующее:

	муж. п.	женск. п.	всего.
Православныхъ	1,013	14	1,027
Католиковъ	72	71	147
Лютерапъ	3	—	3
Магометанъ	2,655	2,253	4,908
Язычниковъ	906	706	1,612
<hr/>			
	4,649	3,044	7,693

Производительность Кульджи невелика. Последнія смуты и волненія, терзавшія Илійскую провинцію, сильно тормозили всякую полезную дѣятельность населенія, которое начинаетъ отдыхать и оправляться только теперь.

Число лавокъ въ городѣ значительно: оно доходитъ до 650; но количество товаровъ ничтожно и ограничивается неприхотливою потребностью населенія. Болѣе крупный торгъ ведутъ сарты изъ Ташкента, Кокана и Кашгара и татары изъ Вѣрнаго и Копала. Глав-

(*) Сюда относятся: калмыки, торгоуты, манджуры, киргизы, афганы и сарты—выходцы изъ Туркестана и Кашгара.

пѣйшіе предметы привоза составляютъ: изъ Кашгара и изъ другихъ мусульманскихъ городовъ—мата и халаты; изъ Вѣрнаго и Копала низкихъ сортовъ ситца, панка, коленкоръ, плисъ, сукна, металлическія вещи, и изъ Урумчи и собственно Китая—чай. Взамѣнъ этихъ продуктовъ отпускаются: бараны (по преимуществу въ Кашгарь), мерлушки, сырыя кожи, гончарныя издѣлія, яблоки и урюкъ (абрикосы), лисья шкуры, молодые маральи рога. Послѣдніе весьма выгодно сбываются китайцамъ черезъ Кяхту и употребляются ими какъ лекарство отъ истощенія силъ.

Фабричная и ремесленная производительность еще болѣе ничтожна, чѣмъ торговая. Вотъ перечень наиболѣе крупныхъ производствъ:

Наименованіе фабрикъ и заводовъ.	Число.	Сумма производствъ въ рубляхъ.	Число рабочихъ.
Маслобойныхъ	10	12,000 р.	78
Писчебумажныхъ	4	500 »	24
Чугунноплавильныхъ	5	600 »	20
Гончарныхъ	2	960 »	6
Красильныхъ	1	300 »	5
Вермишельныхъ	3	101 »	6
Итого	25	14,461 »	139

Хлѣбопашествомъ жители занимались мало, потому, что много ругъ было отвлечено для комплектованія султанскихъ войскъ. Съ нынѣшняго года населеніе, необремененное рекрутскою и никакими земскими повинностями, дѣятельно приступило къ воздѣлыванію земли. Урожай пшеницы дастъ здѣсь самъ 30-ть (*).

(*). Цѣны на кульджинскомъ рынкѣ слѣдующія:

Пшеница въ обыкновенное время стоитъ пудъ 7—8 копѣекъ; но въ нынѣшнемъ году, вслѣдствіе военныхъ дѣйствій, смуть и большого числа войскъ, продовольствовавшихся въ прошломъ году, поднялась до 1 руб. 80 коп. Затѣмъ обыкновенныя цѣны: на рисъ 15 коп., на просо 15 коп., на ячмень 18 коп., на клеверъ 4 коп. за пудъ.

Пудъ мяса и баранины колебался отъ 70 коп. до 2 руб. 40 коп.

Сотня яицъ стоитъ 30 коп., курица при взятіи Кульджи стояла 2 копѣйки; теперь цѣна поднялась до 8 коп.; фунтъ масла стоитъ 30 коп.; салыныхъ свѣчей пудъ 5 руб.; средняя стоимость сахара равна 30 рублямъ за пудъ. Фамильный чай продается по 1 руб. 50 коп. за фунтъ.

Мата—кусочъ въ 18 аршинъ стоитъ отъ 60 до 70 коп., русскій ситецъ продается по 22 коп. аршинъ; тикъ по 30 коп. и коленкоръ отъ 25 до 35 коп. аршинъ.

Корова стоитъ отъ 16 до 25 руб., лошадь отъ 20 до 60 руб., баранъ 3 руб., быкъ отъ 25 до 40 руб.

Лѣсъ — бревно 8 вершковъ въ діаметръ и 2 сажени длины—стоитъ 2 рубля; доска—8 вершковъ ширины и 2¹/₂ аршина длины—10 коп.; доска въ 3 аршина длины и 8 вершковъ ширины 50 коп.

Кирпичъ обожженный тысяча стоитъ 2 рубля; сырцовый кирпичъ 1 руб.

Просвѣщеніе въ Кульдждѣ выражается слѣдующими цифрами школъ и содержимыхъ въ нихъ учениковъ.

Наименованіе школъ.	Число школъ.	Число учащихся.		Всего.
		муж. п.	женск. п.	
При китайской кумирнѣ	1	25	»	25
При большой мусульманской мечети	1	60	10	70
При домахъ муллъ	4	82	21	103
Итого	6	167	31	198

Кульджинское населеніе отличается довольно кроткимъ и спокойнымъ нравомъ; но, вслѣдствіе бѣдности и дороговизны хлѣба, происшедшей отъ недостатка посѣва въ 1871 году, сильно развилось воровство. Ворованныя вещи тотчасъ спускаются на базаръ, либо вымѣниваются на хлѣбъ. Уничтоженіе русскими властями жестокихъ наказаній (отсѣченіе руки, битье палками по пятамъ и пр.) также на первыхъ порахъ способствовало увеличенію проступковъ и преступленій. Городская тюрьма (зигданъ), представляя удобное помѣщеніе, не только не устрашаетъ, а, напротивъ, привлекаетъ бѣдный людъ, который находитъ тамъ готовое продовольствіе, пріятную кампанію и безмятежный отдыхъ. Можно, однако, быть увѣреннымъ, что подобное положеніе дѣлъ лишь временное, и когда жизнь населенія, подъ вліяніемъ прочно-утвердившейся власти, войдетъ въ нормальную колею, т. е. когда благосостояніе народа увеличится, то число кражъ уменьшится само собою.

Вліяніе русскихъ въ Кульдждѣ, безспорно, можно считать благотворнымъ. Независимо отъ обезпеченія собственности, много улучшенныхъ учрежденій привито русскими въ средѣ недавно подчиненнаго населенія. Такъ, между прочимъ, весьма пріятное впечатлѣніе производитъ введеніе гласнаго суда для туземцевъ. Всѣ преступленія и проступки разбираются на сѣздѣ судей, которые выбираются самими народомъ. Собраніе судей происходитъ два раза въ недѣлю. Предварительное слѣдствіе производится однимъ изъ судей, который на сѣздѣ служитъ и докладчикомъ дѣлъ. Во время суда пишутся показанія, составляется протоколъ и постановляется рѣшеніе. Разбирательство производится съ чрезвычайнымъ тактомъ. Туземная публика съ любопытствомъ приходитъ смотрѣть на небывалое зрѣлище.

Населеніе не только не дичится русскихъ, но, напротивъ, при 60 коп. за тысячу; чернорабочій въ день 15 коп.; рабочій съ лошадыю беретъ отъ 40 коп. до 1 рубля.

вязано къ намъ и смотритъ на насъ какъ на своихъ избавителей отъ предшествовавшихъ бѣдъ и тревоженій.

Когда населенію стало извѣстна мысль о переговорахъ относительно передачи Кульджи китайцамъ, то послѣдовали многочисленныя адреса, въ которыхъ туземцы умоляли оставить ихъ въ русскомъ подданствѣ.

V.

ОКРЕСТНОСТИ КУЛЬДЖИ.

Развалины Новой Кульджи.—Поѣздка на озеро Сайрамъ-норъ.—Ущелье Талки.— Китайская императорская дорога.—Талкинский перевалъ.—Ужасный ночлеги.— Озеро Сайрамъ-норъ.—Китайскій городокъ Чинъ-панъ-дзи.—Каменноугольный мѣстонахожденія близъ Кульджи.—Цѣлебный паровой источникъ.

Изъ Кульджи я сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по окрестностямъ. Прежде всего я посѣтилъ развалины Новой Кульджи, лежащія на юго-востокъ отъ Суйдуна, въ двѣнадцати верстахъ, на правомъ берегу Или. Новая Кульджа была основана китайцами въ 1764 году, тотчасъ послѣ завоеванія Джунгаріи, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ находилась зимняя резиденція джунгарскихъ хановъ. Новый городъ назывался у китайцевъ Хой-юанъ-ченъ, а у среднеазиатцевъ и у насъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Новой Кульджи. Этотъ городъ служилъ средоточіемъ управленія надъ всею покоренною Джунгаріею и восточнымъ (китайскимъ) Туркестаномъ, и сохранялъ свое значеніе до 1866 года, когда былъ разрушенъ до тла возставшими дунганями.

Мѣстность отъ Суйдуна до развалинъ носитъ на себѣ отпечатокъ запущенности и разоренія, хотя и до сихъ поръ ясно сохранились слѣды культуры, т. е. заброшенные пашни, полузасыпанныя ирригаціонныя каналы, заглохшіе сады и т. п. Множество дорогъ до бывшаго города нынѣ почти совсѣмъ заросли травой.

Къ развалинамъ прилегаютъ обширное кладбище, на которомъ большая часть могилъ раскопана. Побѣдители-мусульмане вырывали трупы китайцевъ съ цѣлью воспользоваться одеждою богатыхъ покойниковъ (*).

Городъ состоялъ изъ обширнаго предмѣстья и крѣпости. Общее протяженіе его въ длину равнялось верстамъ шести или семи.

Необыкновенно грустное зрѣлище представляютъ развалины этого нѣкогда многолюднаго города! Путникъ проѣзжаетъ улицы, усѣяныя

(* У китайцевъ и у калмыковъ существуетъ обычай класть въ могилу съ покойникомъ драгоценныя вещи.

обломками кирпичей, битою посудою, полуистлѣвшими костями людей и животныхъ.

Въ цѣломъ сохранилось одно только зданіе — небольшая мусульманская мечеть. Все остальное тщательно разрушено. Въ домахъ разобраны не только потолки и крыши, но даже по нѣскольку стѣнъ снесено до основанія. Грунтъ въ домахъ и дворахъ перерытъ; видно, что побѣдители долго и усердно искали кладовъ и богатствъ. Особенно усердно разыскивались сокровища въ домѣ *дзянь дэюня* (генераль-губернатора). Послѣдній, въ тотъ моментъ, когда городъ, послѣ двухлѣтней осады, былъ взятъ, кончилъ свою жизнь по-сарда-напаловски: онъ задалъ большой обѣдъ, и когда, послѣ обѣда, ему доложили, что непріятель ворвался въ крѣпость, съ женами и домочадцами, среди своихъ сокровищъ, онъ взорвался на воздухъ.

Теперь отъ генераль-губернаторскаго дворца уцѣлѣли однѣ фигуры львовъ передъ воротами, да передняя стѣна передъ домомъ, на противоположной сторонѣ улицы. На стѣнѣ еще и до сихъ поръ сохранилось изображеніе дракона, пожирающаго солнце.

Дома Кульджи, по большей части, были построены изъ сырцоваго кирпича; по многія общественныя и казенныя зданія (квартиры чиновниковъ) были изъ превосходнаго обожженаго кирпича. По этому кирпичу еще и теперь сохранились слѣды арабесковъ и орнаментовки. Стѣны домовъ зачастую выштукатурены и въ нѣкоторыхъ домахъ разрисованы довольно хорошо, т. е. съ соблюденіемъ перспективы. Рисунки изображаютъ цвѣты, деревья, животныхъ и людей.

Въ разрушенныхъ молельняхъ и до сихъ поръ важно засѣдаютъ толстобрюхіе идолы, но всѣ уже давно обезглавленные.

Въ сторонкѣ отъ города, на мысу образуемомъ рѣкою Или и крутымъ оврагомъ, виднѣются развалины русской факторіи. Факторія наша состояла изъ двухъ-этажнаго домика консула, хорошенькой церкви и нѣсколькихъ рядовъ лавокъ, и не избѣжала общей участи; но кто былъ настоящимъ виновникомъ ея разоренія (т. е. какал народность) и теперь остается неизвѣстнымъ. Нѣкоторые думаютъ, что факторія была разрушена самими китайцами.

По осмотрѣ кульджинскихъ развалинъ, мною были сдѣланы распоряженія на слѣдующій день для поѣздки на озеро Сайрамъ-норъ, лежащее къ сѣверу отъ Суйдуна за талкинскимъ переваломъ и славящееся своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ. На мое несчастіе ночью и все утро шелъ дождь; откладывать же поѣзду было нельзя.

зя, и я, невзирая на дурную погоду, отправился въ путь. Спровождать меня взялся г. Б—чь, черногорецъ, извѣстный въ краѣ своею неутомимостью въ верховой ѣздѣ.

Отъ Суйдуна до озера считается 65 верстъ, и я, выѣхавъ въ девять часовъ утра, до паступленія темноты рассчитывалъ быть у цѣли. Дорога вела по мѣстности когда-то обработанной и славящейся своимъ плодородіемъ. Переваливъ черезъ невысокій песчаный кряжъ, дорога, на протяженіи верстъ двѣнадцати, шла по возвышенной равнинѣ, гладкой какъ биліардъ, примыкающей къ самой подошвѣ Талкинскаго хребта. Едва я въѣхалъ въ ущелье и перемѣнилъ лошадь, какъ утихнувшій-было дождь пошелъ снова. Мелкій, неприятный, точно осенній, дождь этотъ порядочно отравлялъ удовольствіе ѣзды по ущелью. По дну ущелья съ ревомъ и пѣною мчится рѣчка Талкинка, обнаруживающая, что паденіе подошвы ущелья значительно, хотя для ѣздока подъемъ и не кажется крутымъ. Здѣсь явственно сохранились слѣды большой китайской дороги, называвшейся «императорскою», которая вела изъ Кульджи въ Урумчи и далѣе до Пеккина; нынѣ дорога эта совершенно заброшена, и мостики черезъ Талкинку развалились, такъ что въ большинствѣ случаевъ рѣчку приходится переѣзжать въ бродъ. Переѣздъ какъ по сохранившимся мостикамъ, изображающимъ изъ себя рѣшето, такъ и въ бродъ одинаково неприятенъ. Въ полную воду (въ серединѣ лѣта) Талкинка глубока; кромѣ того она течетъ по большимъ камнямъ, по которымъ лошадь скользитъ и спотыкается. Холодная ванна, которую рискуетъ принять переправляющійся черезъ рѣку, не такъ устрашаетъ, какъ опасность быть увлеченнымъ бѣшенымъ потокомъ.

Дорога мѣстами проходитъ по крутымъ косограмъ, а мѣстами по карнизамъ, висящимъ надъ пропастью. Но здѣсь карнизы довольно широки и со стороны пропасти тщательно ограждены барьеромъ изъ нагроможденныхъ камней. Вдоль дороги, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, сохранились остатки китайскихъ пикетовъ или станцій.

Видъ ущелья съ каждымъ шагомъ въглубь становится диче и грандіознѣе. Сѣрыя и красныя нагроможденія скалъ, зачастую нависнувшихъ надъ головою, имѣютъ самую причудливую форму. Каменные ребра горъ, образующихъ ущелье, равно какъ и отдѣльныя скалы, покрыты растительностью. На болѣе низкихъ отклинахъ скалъ растутъ деревья, свойственныя теплomu климату: абрикосы, карагачъ, яблони; повыше слѣдуетъ боярышникъ, рябина, таль; потомъ является береза и, наконецъ, широкая полоса елей. Необыкновенно

странный видъ представляютъ эти скалы, поросшія лѣсомъ: небольшіе слои наносной почвы незамѣтны, черезъ что глазу кажется, будто деревья растутъ прямо изъ камня.

Проѣхавъ верстъ двадцать пять ущельемъ, надобно подыматься уже черезъ самый перевалъ. Картины, представляющіяся здѣсь взору, еще грознѣе и величественнѣе. Съ каждымъ шагомъ подъемъ становится круче и круче. Выйдя изъ густой поросли елей, дорога поднимается по голымъ каменистымъ откосамъ. Лошадь моя карабкалась, цѣпляясь копытами за острые выступы камней. Подъемъ такъ крутъ, что черезъ каждые два, три шага лошадь останавливалась. Одинъ невѣрный шагъ ея—и можно было рисковать скатиться въ зияющую бездну. Докучливый мелкій дождикъ моросилъ по-прежнему. Стало вечерѣть, и мнѣ уже темного оставалось до вершины перевала. На меня пахло зимнимъ холодомъ, и я увидѣлъ передъ собою крутую скалу, на которую надо было подняться, а по бокамъ ея, въ лощинахъ, снѣжныя полосы. Я оглянулся назадъ—ретивое мое ѣкнуло: густая туча застала сзади меня все пространство, такъ что мнѣ казалось, будто я висѣлъ въ воздухѣ. Спусти нѣсколько мгновений, облако, разстилавшееся у моихъ ногъ, поднялось выше и обдало меня крупнымъ дождемъ. Пробираться вверхъ подъ сильнымъ дождемъ, въ полумракѣ, я не рѣшился, тѣмъ болѣе, что я былъ одинъ. Провожавшій меня, г. Б—чь, гораздо ранѣе ускакалъ впередъ, съ цѣлью раздобыть юрту у киргизовъ. Не желая быть застигнутымъ ночью на крутомъ каменистомъ откосѣ, я повернулъ назадъ, рассчитывая встрѣтить отставшій выюкъ и провести ночь въ лѣсной полосѣ, подъ сѣлю. Внизъ лошадь пошла быстрѣе. Вотъ снова появились ели, а выюка моего не оказывалось... Лошадь прибавила ходу... Мгла окутывала меня сильнѣе и сильнѣе; я все еще надѣялся встрѣтить вождѣльный выюкъ, а съ нимъ сухое платье, чай и провизію. Но, увы! дорога сразу потерялась въ темнотѣ, и я долженъ былъ остановиться на ночлегъ среди дикаго ущелья, даже и не подъ сѣлю, весь мокрый и голодный. Дождь поливалъ меня сверху; сырость пронизывала насквозь; дрожа отъ холода, я, чтобы согрѣться, сталъ топтаться на мѣстѣ, держа въ то же время лошадь въ поводу. Вскорѣ дождь прошелъ. На небѣ зажглись звѣзды; но не до нихъ мнѣ было тогда. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ утра. Едва забрѣжилъ свѣтъ, такъ что можно было различать дорогу, я снова двинулся на приступъ къ перевалу, и, поднявшись на гребень, сразу увидѣлъ величественное, спокойное озеро, заключенное въ горной воронкѣ, точно въ чашѣ. Свѣтлая и прозрачная вода казалась какъ бы

расплавленной массой стекла, въ которомъ мягко отражался лазурный небосводъ.

Озеро, по рассказамъ, весьма глубоко и еще у китайцевъ называлось Сери-объ-норъ, т. е. «многоводное». Вода въ немъ слегка горькая; рыба, какъ и въ большей части горныхъ озеръ, не водится. Дно твердое, крупно-песчаное; берега плоскіе. Вся окрестность озера простирается до шестидесяти верстъ. На вершинѣ перевала я встрѣтился съ г. Б—чемъ.

Сильно усталый и не имѣя возможности отдохнуть и оправиться на берегу озера, я повернулъ назадъ. Возвращаясь, я и въ этотъ день не встрѣтилъ своего выюка; оказалось, что еще наканунѣ сопровождавшіе его люди заблудились и пошли по другой дорогѣ. Вскорѣ солнце меня высушило; разбитый, усталый, голодный, я еле-еле доталился до Суйдуна, гдѣ и нашелъ отдыхъ подъ кровомъ гостеприимнаго г. Б—ча.

Возвращаясь изъ Суйдуна въ Кульджу, я посѣтилъ городокъ Чинъ-панъ-дзи, населенный исключительно китайцами. Жители, какъ этого городка, такъ и нѣкоторыхъ другихъ, находящихся въ Кульджинской провинціи, принадлежали, во время китайскаго владычества, къ военно-поселенному сословію. Китайское правительство издавна переселило ихъ сюда съ цѣлью удерживать отдаленную провинцію въ своихъ рукахъ; однако военные поселенцы не оправдали ожиданій: они не развили въ себѣ ни мужества, ни военнаго искусства. И во время возстанія мусульманъ, они первые бросали оружіе и спѣшили сдаваться. Благодаря своей преждевременной покорности, эти военнопоселенцы уцѣлѣли среди всеобщаго истребленія китайцевъ.

Жители Чинъ-панъ-дзи чрезвычайно бѣдны. Они добываютъ скудные средства къ существованію путемъ ничтожной торговли. Все свободное время проводятъ въ праздности, курия опиумъ, весьма распространенный между ними. Обстановка въ домахъ самая убогая; грязь и нечистота производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Между обывателями усматривается множество больныхъ глазами. Мрачная обстановка жилищъ, у которыхъ вмѣсто оконъ служатъ рѣшетки, заклеенныя бумагою, неопрятность и нечистота, нѣтъ сомнѣнія, вліяютъ не только на глаза, но и вообще на здоровье.

Къ числу небезынтересныхъ окрестностей Кульджи слѣдуетъ отнести мѣстонахожденіе каменнаго угля, добыча котораго производилась здѣсь еще китайцами.

Разработка производится въ трехъ мѣстахъ: Пеличи, Могуи-

ты и Готуль, отстоящихъ отъ Кульджи въ 10-ти, 15-ти и 20-ти верстахъ, по направленію къ сѣверо-западу, въ отрогахъ Талкинскаго хребта. Уголь невысокаго качества, особенно въ верхнихъ пластахъ, гдѣ онъ сильно землистый, на воздухѣ скоро разрушающійся и при горѣніи отдѣляющій много золы.

Разработка угля производится артелями рабочихъ, напимаемыхъ за самую ничтожную плату капиталистами изъ дунганей или таранчей. Средства для разработки первобытныя, подобныя тѣмъ, какія употребляются нашими крестьянами для добычи угля на югѣ Россіи. До послѣдняго времени продажная цѣна на уголь равнялась, на мѣстѣ, одной копѣйкѣ за пудъ, а съ перевозкою въ Кульджу — двѣ копѣйки. Нынѣ цѣна поднялась въ Кульджѣ до пяти и шести копѣекъ.

Перевозка производится на невысокихъ двухколесныхъ тележкахъ.

Все количество ежегодно добываемаго въ окрестностяхъ Кульджи угля простирается отъ 600,000 до 800,000 пудовъ.

Изъ окрестныхъ достопримѣчательностей Кульджи нельзя не упомянуть еще о «цѣлебномъ паровомъ источникѣ», отстоящемъ отъ Кульджи верстъ на пятнадцать, вблизи каменно-угольныхъ мѣстонахожденій.

Изъ земной расщелины выходятъ пары, имѣющіе, по рассказамъ туземцевъ, необыкновенную цѣлебную силу отъ всевозможныхъ болѣзней. Надъ мѣстомъ выхода паровъ еще китайцами устроена лачуга, съ пробитымъ маленькимъ отверстіемъ вмѣсто дверей. Температура паровъ такъ велика, что оставаться долго подъ ихъ вліяніемъ можетъ не всякій. Источникъ этотъ научно еще не изслѣдованъ.

Кульджа, 1872 г. 27-го іюня.

Л. Костенко.

79-81 175.5-1

ВОЕННЫЙ

802-18
711

СБОРНИКЪ

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ

№ 12

ДЕКАБРЬ

1872

15-39-42467

ОЧЕРКИ СЕМИРЪЧЕНСКАГО КРАЯ.

(Путевыя письма).

(Окончаніе) (*).

VI.

ВЕРХНЕ-ИЛИЙСКІЙ КРАЙ.

Краткій географическій обзоръ Верхне-илийскаго Края.—Ульгунтаускій хребетъ.— Племена обитающія на верхнемъ Или.—Манджурское племя—сибо.—Этнографическія данныя объ этомъ племени.—Таранчи.—Калимыги.—Торгоуты; нѣкоторыя данныя объ этомъ племени.—Киргизы-атабановцы и ихъ характеристика.

По выѣздѣ изъ Кульджи по направленію къ Музарту, мнѣ предстояло испытать множество затрудненій относительно пріисканія средствъ къ передвиженію. Тутъ уже не только почтовыхъ, но даже и вообще колесныхъ дорогъ не предвидѣлось. Предстояло ѣхать верхомъ.

Пространство къ югу отъ Кульджи, заключенное между рѣками Текесомъ и Или, интересно какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ.

Рѣка Или составляется изъ сліянія двухъ быстрыхъ рѣкъ, Текеса и Кунгеса. Последняя течетъ по направленію Или, т. е. отъ востока къ западу, тогда какъ первая, наоборотъ, имѣетъ общее направленіе отъ запада къ востоку, и, соединяясь съ Кунгесомъ верстахъ въ ста отъ Кульджи, образуетъ Или.

Пространство между Или и Текесомъ представляетъ страну, прорѣзанную вдоль длиннымъ, высокимъ, хотя и не вѣчно-снѣжнымъ хребтомъ, образующимъ водораздѣлъ этихъ рѣкъ.

Хребетъ называется Ульгунъ-тау (длинныя горы), и съ

(*) См. «Военный Сборникъ» 1872 года № 11.

трудомъ проходимъ только чрезъ нѣсколько переваловъ, изъ которыхъ Чапчальскій одинъ изъ наиболѣе удобныхъ. Восточная часть этого хребта, называемая на мѣстномъ языкѣ Тогу съ-торау (девять урочищъ), значительно ниже. Здѣсь есть самый удобный (колесный) перевалъ Шарбогучи, существенный недостатокъ котораго только тотъ, что онъ слишкомъ далекъ отъ прямого сообщенія Кульджи съ Музартомъ.

Сѣверный склонъ Улькунъ-тау спускается тремя терасами къ рѣкѣ Или, образующими лѣвую сторону долины упомянутой рѣки, а южный склонъ развѣтвляется на нѣсколько отроговъ, теряющихся въ плоскихъ покатостяхъ, образующихъ правую сторону долины Текеса.

Улькунтаускій хребетъ, въ своихъ ущельяхъ, обильно поросъ ельникомъ. Кромѣ ели, въ болѣе низкихъ покатостяхъ горъ встрѣчаются еще рябина, кленъ и таль; есть нѣсколько породъ и кустарниковъ. Въ лѣсахъ водятся, въ числѣ другихъ звѣрей, многочисленныя стада мораловъ. Вотъ эти-то моралы, водящиеся почти во всѣхъ горахъ и развѣтвленіяхъ Тянь-шана, любимѣйшая приманка туземцевъ, которые охотятся на нихъ изъ-за роговъ. Рога добываются только въ ту пору года, когда они мягки и содержатъ въ себѣ, по увѣренію китайцевъ, животворную кровь, поддерживающую и возбуждающую человѣческія силы. Рога на мѣстѣ продаются охотниками рублей за сто торговцамъ, которые, въ свою очередь, везутъ ихъ въ провинціи собственнаго Китая для выгоднаго сбыта.

По разсказамъ жителей, въ горы лѣтомъ забѣгаютъ изъ прибрежныхъ камышей кабаны и тигры. Изъ гадовъ въ горахъ попадаетъ довольно много змѣй, наносящихъ вредъ скоту. Горныя долины покрыты прекрасною травой, сохраняющеюся отъ выгорания солнцемъ въ теченіе всего лѣта, вслѣдствіе чего онѣ и служатъ весьма привольнымъ мѣстомъ для киргизскихъ кочевовъ. Осѣдлые жители, населяющіе пространство къ сѣверу отъ хребта, на его терасахъ и по долинахъ Или, также посылаютъ въ горы своихъ лошадей на лѣто для поправки. И, дѣйствительно, животные, забитыя, исхудалыя и измученныя работами зимой, отъѣдаются на привольныхъ пастбищахъ до такой степени, что дѣлаются неузнаваемы.

Населеніе описываемаго края еще разнообразнѣе, чѣмъ мѣстность. На небольшомъ, сравнительно, пространствѣ поселились самыя разнообразныя племена: манджурское, монгольское и тюркское.

Манджурское племя обитаетъ вдоль лѣваго берега Или, узенькою полосой, на большомъ арыкѣ (каналѣ), выведенномъ изъ Или, вер-

стахъ въ сорока выше Кульджи, и тянущемся верстъ на шестьдесятъ почти паралельно рѣкѣ. На этомъ арыкѣ, или вблизи его, еще во времена китайскаго владычества было поселено манджурское племя рода сибо. Сибо расположились въ укрѣпленныхъ городкахъ, тысячи по двѣ душъ, линією, и составляли нѣчто въ родѣ военнаго поселенія. Ихъ обязанность заключалась исключительно въ томъ, чтобы держать въ порядкѣ населеніе верхне-илийской провинціи, собирать съ него подать, водить на казенныя работы, въ случаѣ педомокъ продавать скотъ и дѣтей и т. д. Организацию они имѣли чисто-военную и пользовались значительнымъ на счетъ населенія содержаніемъ, вслѣдствіе чего, не подвергая себя большому труду, жили въ довольствѣ и достаткѣ.

Все поселенное племя сибо состояло почти исключительно изъ однихъ чиновниковъ, старшихъ и младшихъ, такъ, что меньшіе подчинялись большимъ, большіе еще большимъ и т. д.

Во главѣ поселеннаго войска стоялъ укурдай (высшій чинъ, съ краснымъ шарикомъ на шапкѣ, соответствующій чину генерала). У укурдаи было нѣсколько ильгидаевъ (помощниковъ). Ильгидаи надсматривали за зянгами (темно-синій шарикъ, соответствующій чину полковника). Зянги держали въ повиновеніи пуръ-зянги. Последнимъ подчинялись ха. Затѣмъ слѣдовали фупде-божко, дамга-божко, шюдоры, божко и, наконецъ, капшины.

Всякій чинъ выѣзжалъ всегда сопровождаемый подчиненными ему низшими чинами, которые, слѣдуя въ хвостѣ своего принцинала, въ свою очередь были сопровождаемы собственными сателлитами.

Представляю воображенію читателя судить, съ какою свитою долженъ былъ выѣзжать самый старшій — укурдай. Человѣкъ 60—70, это была самая скромная свита, какую позволялъ себѣ важный китайскій саповникъ, выѣзжавшій за-просто.

Такой порядокъ подчиненности сохранялся между поселенцами сибо до прошлаго года, когда русскія войска заняли Кульджинскую провинцію. Русскія власти изъ многихъ ступеней чиновничества оставили только укурдаи, низведеннаго на степень волостнаго управителя, и зянги, сравненнаго въ правахъ съ аульнымъ или сельскимъ старшиною.

Свое значеніе манджурскіе чиновники въ Верхне-илийской провинціи потеряли лѣтъ восемь тому назадъ, послѣ китайскаго погрома, когда имъ пришлось жить уже собственнымъ трудомъ, вслѣдствіе чего они обѣднѣли, чему также много способствовало и ограбленіе ихъ возставшими народностями.

Но за то, по крайней мѣрѣ, имъ оставалось хоть одно утѣшеніе — сохранить прежніе чины и титулы. Вотъ причина, почему сибинцы такъ обрадовались, когда узнали о прїѣздѣ китайскаго дэ янь дэю ня (генераль-губернатора) въ Сергіополь для переговоровъ относительно передачи Кульджинской провинціи пекинскому правительству. Несмотря на то, что вопросъ о передачѣ еще не рѣшенъ, дэянь-дэюнь нашелъ въ сибинскихъ чиновникахъ самыхъ ревностныхъ исполнителей своихъ преждевременныхъ распоряженій въ принадлежащемъ ему краѣ. Онъ держитъ себя какъ настоящій генераль-губернаторъ и сталъ повышать сибинцевъ «шариками» (т. е. чинами), облагать ихъ разными повинностями, а послѣдніе изподтишка исполняютъ его волю въ радостной надеждѣ, что они скоро заживутъ по-прежнему.

Я посѣтилъ нѣкоторые изъ сумунъ (*) (городовъ) сибо, чтобы посмотрѣть чистую, непримѣсную жизнь манджурскаго населенія.

Всѣ городки обнесены четырехугольною стѣною и довольно правильно расположены: главная прямая и широкая улица ведетъ отъ однихъ городскихъ воротъ къ другимъ; въ противоположной стѣнѣ городки, хотя и бѣдны, но довольно чисты, т. е. вовсе не такъ грязны и неопрятны, какъ видѣнные мною китайскіе города и села. Деревянные, либо глиняные дома китайской архитектуры построены въ углубленіи четырехугольныхъ дворовъ, и для того, чтобы прохожій по улицѣ сквозь ворота не могъ видѣть что дѣлается въ домѣ, позади воротъ устроены глиняные траверсы, или экраны, защищающіе и обывателей отъ нескромныхъ взоровъ. У воротъ, сбоку, глиняные шкафчики, въ которыхъ вставляются иконы, совершенно такъ, какъ это дѣлается въ христіанскихъ странахъ на дорогахъ. Иконы во всемъ напоминаютъ христіанскія. Святые точно также изображаются съ золотыми ореолами, благословляющими народъ. Только типы святыхъ, разумѣется, иные, чѣмъ нашихъ.

Передняя стѣна въ домахъ, до половины рѣшетчатая, заклеивается бумагою. На лѣто рѣшетчатая часть снимается. Рѣшетчатые окна въ задней стѣнѣ также открываются лѣтомъ, вслѣдствіе чего образуется вентиляция, и въ комнатахъ воздухъ довольно чистый.

Въ каждомъ сумунѣ одна или двѣ моельни съ громадными, больше человѣческаго роста, идолами. Идолы изображаются въ одеждахъ, расписанныхъ самыми яркими красками. Главный идолъ всегда сидитъ на почетномъ мѣстѣ, а по бокамъ стоитъ свита изъ различныхъ лицъ (свирѣпыхъ воиновъ, секретарей и пр.). При мо-

(*) «Сумунъ» — означаетъ полкъ.

ельныхъ всегда бываютъ колокола и большіе чугунные жертвенные сосуды.

Иногда въ моельняхъ, вмѣсто большихъ бурхановъ, устанавливаются маленькіе, металлическіе. Въ такихъ случаяхъ бурханы выставляются какъ куклы. На почетномъ мѣстѣ возсѣдаетъ самъ далай-лама, за нимъ слѣдуетъ масса другихъ идоловъ, изображающихъ различныхъ божества, причемъ качество ихъ выражается самымъ грубымъ и первобытнымъ способомъ: такъ, напримѣръ, сила олицетворяется множествомъ рукъ, всевѣдѣніе — множествомъ глазъ; благодать — благословеніемъ и пр. Есть изображенія и такихъ божествъ, которые не могутъ быть предметомъ описанія.

Передъ бурханами, въ особыхъ металлическихъ, либо деревянныхъ сосудахъ, ставятся яства, вода и курево. На мой вопросъ: зачѣмъ выставлено все это? мнѣ отвѣчали:

— «Люди не могутъ обойтись безъ пищи и питія, слѣдовательно тоже самое нужно и богамъ».

Въ каждомъ сумунѣ приходская школа, въ которой обучаются всѣ мальчики городка. Преподается чтеніе, письмо и изрѣченія Конфуція. Грамота, какъ извѣстно, у манджуровъ своя особая, совершенно отличная отъ китайской. Въ школахъ, на стѣнахъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, развѣшиваются различныхъ размѣровъ загнутыя плоскія палки и масса деревянныхъ дощечекъ, на которыхъ обозначено сколько ударовъ и какого вѣса палкою пужно наносить ученику, смотря по его випѣ и возрасту. Крайній формализмъ, какъ видно, лежитъ и въ основѣ обученія.

Домашняя жизнь самая патріархальная. Жена и дѣти въ безусловномъ повиновеніи у отца.

Право этикета требуетъ сохраненія постоянной важности и молчаливости. Въ гостяхъ говорить мало и смотрѣть по-возможности тупо и безстрастно въ неопредѣленное пространство, не выражая на лицѣ никакихъ ощущеній, считается верхомъ хорошаго тона.

Въ одномъ изъ сумунъ я посѣтилъ самаго ученаго и вліятельнаго манджура, несаго представителя манджурской интеллигенціи. Будучи человѣкомъ неглупымъ отъ природы, ученый сибинецъ, относительно образованія съ европейской точки зрѣнія, не выдерживаетъ никакой критики. На столѣ у него лежало съ десятокъ книгъ. Я взялъ первую попавшуюся въ руки и черезъ переводчика узналъ, что то была книга въ родѣ нашего «Мартына-Задеки», книга, трактующая о хорошихъ и худыхъ мѣсяцахъ, дняхъ, часахъ и минутахъ. Она назначалась въ назиданіе, когда можно припяться за какое дѣло

для того, чтобы дѣло вышло успѣшнымъ. Другая книга трактовала «о правилахъ обхожденія и о различныхъ церемоніяхъ» и т. д.

Чинность, господствующая въ семействахъ, господствуетъ и въ дома. На улицахъ полная тишина и спокойствіе.

Мужчины и женщины, одинаково съ трубками въ зубахъ, въ свободное время важно расхаживаютъ по улицамъ. Разговоръ ведется тихо, не вскрикивая, съ посовымъ, мягкимъ акцентомъ.

Хотя населеніе сибо въ настоящее время и бѣдно, вслѣдствіе причинъ изложенныхъ выше, но, будучи трудолюбиво, оно, съ упроченіемъ твердой власти, безъ сомнѣнія возвратитъ потерянное. Населеніе отличается, кромѣ того, доброю правдивостью: не случается не только кражъ и грабежей, но даже дракъ и другихъ менѣе важныхъ проступковъ. Цѣломудріе соблюдается во всей строгости.

За сибо, на средней терасѣ, образуемой сѣвернымъ склономъ Узунтаускаго хребта, болѣе широкою полосой тянется другое осѣдлое племя тюркское—таранчи. Это старые знакомые наши сарты, населяющіе Ташкентъ, Чемкентъ и другіе города Туркестана.

Управленіе между таранчами введено согласно проекту положенія объ управленіи Туркестанскимъ Краемъ, т. е. оставлены туземныя власти и прежній поринокъ и только сдѣланы нѣкоторыя приспособленія.

Таранчинское населеніе, угнетаемое китайцами и манджурами до 1866 года, съ этого времени нѣсколько оправилось, ограбивъ и разоривъ своихъ притѣснителей. Теперь хотя таранчи и живутъ бокъ-о-бокъ съ своими прежними врагами—сибо, но непріязненныхъ чувствъ не обнаруживаютъ и никакихъ, сколько-нибудь важныхъ, враждебныхъ столкновеній между ними не случается. Таранчи, будучи мусульманами, даже въ дѣлѣ религіи успѣли приобрести нѣкоторую терпимость, и не выказываютъ презрѣнія къ чуждому и странному для нихъ вѣроисповѣданію.

Рядомъ съ сибо и таранчами, только правѣе, по нижнему Текесу, кочуютъ калмыки, рода шамперовъ, управляемые однимъ ильгидаемъ и четырьмя зянгами. Калмыки эти, разоренные во время возстанія дунганъ и тарачей, очень бѣдны.

Правѣе калмыковъ, по правую сторону Текеса, на верхнемъ Кунгесѣ, живутъ торгоуты, народъ монгольскаго племени, родственны калмыкамъ. Торгоуты пришли въ концѣ 1870 года, въ числѣ 1,500 юртъ, съ своею ханшею во главѣ (ханъ остался въ Улясутаѣ), прося нашего покровительства и заступничества отъ преслѣдовавшей Якубъ-бека. Это племя замѣчательно своею бродячестью. Еще въ

прошломъ вѣкѣ оно обитало на Волгѣ, признавая русское подданство; потомъ укочевало въ китайскіе предѣлы, подпало подъ власть кашгарскаго правителя и теперь опять ищетъ нашего подданства. Часть торгоутовъ еще осталась въ Юлдузскихъ горахъ, и, по всей вѣроятности, со временемъ также прибудетъ къ нашимъ границамъ, подъ русскую защиту.

Большая часть прибывшихъ торгоутовъ состоитъ изъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ находится первый совѣтникъ и помощникъ хана, бейле Баирта-Гурджанъ, человекъ ограниченнаго ума и потому не пользующійся вліяніемъ. За нимъ слѣдуетъ второй помощникъ, гучъ Маджикъ-Дарджи—настоящій правитель торгоутовъ; онъ, по неспособности бейле, владѣетъ даже ханскою печатью. Третій помощникъ хана—засыкъ Ирджени. Должность хана и его помощниковъ наследственна; родственники ихъ принадлежатъ къ привилегированному сословію—тайджи (дворяне).

Въ вѣдѣніи каждаго изъ этихъ трехъ помощниковъ состоитъ по нѣскольку подчиненныхъ чиновниковъ, у которыхъ, въ свою очередь, имѣются свои младшіе чины и т. д.

Сумунами (полками) управляютъ зянги съ помощью двухъ коңдобожко и четырехъ бекчинъ-божко. Зянги, кромѣ административной власти, пользуются и судебною по проступкамъ и искамъ, не превышающимъ стоимости двадцати пяти барановъ. Въ случаяхъ спорныхъ, либо превышающихъ стоимость 25-ти барановъ, дѣло разбирается выборнымъ судьей, гузда. Очистительная присяга въ сомнительныхъ случаяхъ производится слѣдующимъ образомъ: отвѣтникъ, смотря по состоянію, закалываетъ чернаго быка или козла и шкуру животнаго раскладываетъ передъ бурханомъ (идоломъ); на шкуру кладутъ сердце убитаго животнаго, и принимающій присягу долженъ съѣсть это сердце.

Высшая судебная власть принадлежитъ совѣту, назначаемому въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ханомъ, и состоящему изъ пяти гузда, подъ предсѣдательствомъ тузулакчи (старшаго чиновника по судебной части).

Матеріальныя убытки всегда вознаграждаются вдвойнѣ и втройнѣ на счетъ виновнаго. Обиды, безчестіе и другія личныя оскорбленія караются тѣлесными наказаніями: бьютъ нагайками, надѣваютъ на шею деревянную колоду на мѣсяцъ и даже на годъ и водить въ пей виновнаго по ауламъ. Въ случаѣ неисправности виновнаго, совѣтъ клеймитъ его раскаленнымъ желѣзомъ, а въ крайнихъ случаяхъ,

по опредѣленію хана, выкалываетъ глазъ, или же переламываетъ руку.

Духовными дѣлами завѣдываетъ гескюй-лама (старшій лама), назначаемый ханомъ ламъ (священниковъ), которыхъ такъ же много какъ и чиновниковъ. Они пользуются почетомъ и уваженіемъ за свою грамотность, и носятъ привилегированный цвѣтъ платья (желтый). Каждое семейство считаетъ долгомъ одного изъ своихъ членовъ предназначать въ ламы. Старшій лама наблюдаетъ за нравственностью подчиненныхъ ламъ, за правильностью и непрерывностью богослуженія въ молельняхъ (*) и пр.

Если лама сдѣлалъ недостойный его званію поступокъ, то его приводятъ къ бурхану, изображающему бога той добродѣтели, противъ которой провинился согрѣшившій, нагибаютъ его голову и гескюй-лама бьетъ виновнаго по спинѣ желѣзною тростью. Наказанный такимъ образомъ лама считается разстриженнымъ; по къ подобнымъ мѣрамъ у торгоутовъ прибѣгаютъ чрезвычайно рѣдко: ламы, да и все торгоутское населеніе, отличаются доброю нравственностью и гуманностью. Несмотря на послѣдовательное ограбленіе ихъ дунганями, киргизами и кашгарцами, слѣды матеріальнаго довольства у торгоутовъ сохранились и понынѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что, подѣ сънью русской власти, торгоуты, при свойственномъ имъ трудолюбіи и доброй нравственности, успѣютъ, путемъ труда, съ лихвою возвратить потерянное.

По южную сторону Узунтаускаго хребта живетъ еще одинъ кочевой народъ тюркскаго племени — киргизы, или, правильнѣе, «казаки». Это обломки Большой Орды, принадлежащіе къ племени атбаговъ и раздѣляющіеся на слѣдующіе роды: айты, бузумы, альджаны и конурбуки. Они, какъ и торгоуты, замѣчательны тѣмъ, что проходили большія пространства, отыскивая мѣста, гдѣ бы лучше пріютиться.

Находясь сперва въ русскомъ подданствѣ, атбаны, вскорѣ по присоединеніи Большой Орды къ Россіи, откочевали въ китайскіе предѣлы, а потомъ жили подѣ властью таранчей (съ 1866 года), относившихся къ нимъ благосклонно, какъ къ своимъ единовѣрцамъ.

Нападеніе на наши пограничныя пункты, съ цѣлью угона скота, вынуждало русскую власть требовать у кульджинскаго султана наказанія ихъ и запрещенія продолжать безпорядки на нашихъ границахъ. Кульджинскій султанъ, боясь съ одной стороны нашихъ угрозъ, а съ другой не будучи въ состояніи удерживать въ повиновеніи

(*) Богослуженіе не прерывается съ ранняго утра до поздняго вечера.

лихихъ батырей, или, попросту, грабителей, переселилъ ихъ на съверную сторону хребта, гдѣ они должны были кочевать между поселеніями таранчей, подѣ личнымъ надзоромъ султана.

Такъ какъ травы здѣсь скуднѣе, то атбаны, не находя достаточныхъ средствъ для прокормленія своихъ стадъ, стали бѣднѣть. Когда же въ прошломъ году русскія войска заняли Кульджу, киргизы эти, боясь русскаго гнѣва и мести, бросились было бѣжать черезъ Узунтаускія горы, съ цѣлью укрыться въ кашгарскихъ предѣлахъ. Бѣгство было столь поспѣшно, что бѣглецы побросали по дорогѣ почти весь свой скарбъ: юрты, одежду и проч. Посланный вслѣдъ за ними русскій офицеръ успѣлъ ихъ нагнать и успокоить.

Атбанамъ разрѣшено поселиться на ихъ прежнихъ мѣстахъ кочевокъ, отличающихся обильнымъ кормомъ для скота. Теперь киргизы эти отбросили свои старыя привычки и стали жить мирно. Баранта (угонь скота) уже не считается подвигомъ, а преслѣдуется какъ простой грабежъ и воровство.

Атбаны управляются, какъ и всѣ подвластные намъ киргизы, черезъ аульныхъ старшинъ и волостныхъ управителей. Судебная часть находится въ рукахъ выбираемыхъ народомъ биевъ.

Родъ преступленій, наиболѣе часто встрѣчающійся между ними, состоитъ въ воровствѣ лошадей. Кромѣ того, русской администраціи приходится нерѣдко выслушивать жалобы на нихъ по прежнимъ счетамъ съ калмыками. Во время китайскаго разгрома, калмыки, парави съ китайцами, были разграблены; въ это же время не только скотъ, но и дѣти калмыковъ были захватываемы киргизами. Теперь калмыки стали являться къ русскимъ властямъ, прося ихъ возвратить отнятыхъ когда-то родственниковъ. Случай жалобы въ подобномъ родѣ происходилъ однажды при мнѣ. Одинъ калмыкъ умолялъ начальника уѣзда возвратить его сестру, отнятую киргизами еще ребенкомъ семь лѣтъ тому назадъ. Произведено было разслѣдованіе; предъявлена дѣвочка лѣтъ пятнадцати, но, странное дѣло, дѣвочка стала отрекаться отъ своей родни, и, въ свою очередь, умоляла оставить ее между киргизами.

Киргизы, какъ и всѣ вообще азіятскія народности, отличаются мягкостью права, добродушіемъ и гостепримствомъ. Семейныя добродѣтели, т. е. любовь между членами семьи, у нихъ сильно развиты. Въ этомъ смыслѣ, киргизы суть истые представители семейнаго или родового пачала, построеннаго на чисто-патріархальныхъ отношеніяхъ.

Изъ всѣхъ народностей, составляющихъ разноплеменное населеніе

вновь занятой кульджинской провинціи, киргизы болѣе другихъ обезпечены матеріально. Они безъ всякаго обремененія внесли контрибуцію, наложенную на нихъ русскимъ правительствомъ, въ возмѣщеніе военныхъ издержекъ, вызванныхъ, главнѣйшимъ образомъ, киргизами.

Подати вносятся ими также исправно, безъ всякихъ недоимокъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, во всемъ туркестанскомъ краѣ не только кочевое населеніе, но и осѣдлое, одинаково отличаются исправностью въ платежѣ налоговъ, чему много способствуетъ рациональная система взиманія податей, а именно: опредѣленная подать раскладывается правительствомъ на цѣлую административную единицу (волость), гдѣ она уже распределяется между семьями по приговору самого общества. Такимъ образомъ случается, что одно семейство платитъ 200 — 300 рублей, тогда какъ другое ничего не платитъ. Благодаря этой системѣ взиманія податей, въ туркестанскомъ краѣ еще не было примѣра, чтобы происходили недоимки.

VII.

МУЗАРТЪ.

Хребтъ Музартъ или Мустагъ.—Ущелье Музартъ.—Горная рѣчка Уртенъ-музартъ.—Растительность музартскаго ущелья.—Животныя, населяющія ущелье.—Слѣды человѣческихъ рукъ въ ущельѣ.—Характеръ пути по ущелью.—Первые ледники.—Перевалъ Музартъ.—Южный склонъ перевала.—Ледное море.—Кашгарскій пикетъ Мазаръ-башъ (могильная голова).—Дорога по южному склону ущелья.

Подъ именемъ Музарта или Мустага извѣстна наиболѣе высокая часть Тянь-шанскаго хребта, вершины котораго завалены громадными ледниками. Слово музартъ въ переводѣ съ тюркскаго означаетъ «ледяной хребтъ», а слово мустагъ — «ледяныя горы». Черезъ этотъ хребтъ лежитъ кратчайшій путь изъ Кульджи въ городъ Аксу, составляющій нынѣ вторую столицу Кашгаріи или Восточнаго Туркестана. Ущелье и перевалъ, по которому пролегаетъ этотъ путь, называются по имени хребта.

По рассказамъ туземцевъ и по описанію китайскаго географа прошедшаго столѣтія, музартскій перевалъ изображался столь ужаснымъ, что его можно было скорѣе причислить къ области мифовъ, порожденныхъ пылкою фантазіей Востока. Такъ, китайскій географъ рассказываетъ, между прочимъ, что въ этомъ ущельѣ есть огромная ледяная гора, въ которой надо высѣкать ступеньки, чтобы, хотя съ трудомъ, можно было подвигаться впередъ.

Изъ европейцевъ еще никто не проходилъ музартскаго ущелья

насквозь. До половины обследовалъ его въ прошломъ (1871) году генеральнаго штаба капитанъ (нынѣ подполковникъ) Шенелевъ, который произвелъ съемку ущелья и сдѣлалъ топографическое описаніе. Въ нынѣшнемъ году мнѣ также удалось пройти ущелье до половины, т. е. до перваго кашгарскаго пикета Мазаръ-башъ, расположеннаго на южномъ склонѣ хребта, у отвѣснаго леднаго спуска, въ которомъ, дѣйствительно, вырубаются ступеньки.

Музартское ущелье образуется прорывомъ двухъ быстрыхъ рѣчекъ, текущихъ съ вершины перевала въ разныя стороны. Та, которая течетъ по сѣверному склону хребта, называется Уртенъ-музартъ, т. е. «пикетный Музартъ.» Она названа такъ потому, что на ней нѣкогда стояли китайскіе пикеты.

Уртенъ-музартъ беретъ начало въ 49-ти верстахъ отъ выхода изъ ущелья, изъ ледника, находящагося близъ сѣдла перевала. Молочныя воды рѣки съ шумомъ и пѣною мчатся по дну, устланному огромными камнями. Черезъ большіе камни рѣчка перепрыгиваетъ, обтачивая ихъ, а малые уноситъ теченіемъ. Спустившись съ гребня перевала, рѣчка вскорѣ разбивается на многіе рукава, придерживаясь, однако, главнымъ своимъ русломъ праваго бока ущелья.

Музартское ущелье имѣетъ сперва направленіе на юго-востокъ и отъ впаденія въ Уртенъ-музартъ съ обѣихъ сторонъ двухъ рѣчекъ, Маралты, поворачиваетъ на юго-юго-востокъ до впаденія въ ту же рѣчку горнаго потока Арчалы-карачатъ. На всемъ этомъ протяженіи (сорокъ верстъ) характеръ ущелья иной, чѣмъ послѣдующая часть, ведущая къ перевалу и далѣе.

Эта первая часть ущелья никакого серьезнаго препятствія для движенія ни лѣтомъ, ни зимою не представляетъ. Ее даже можно было бы приспособить для колесной ѣзды. Она необыкновенно живописна и съ каждымъ шагомъ поражаетъ глазъ новыми видами.

При началѣ ущелья широко и скалистыя горы, сжимающія его, не такъ высоки; онѣ мало поросли деревьями. Въ четырехъ верстахъ отъ входа, при впаденіи въ Уртенъ-музартъ съ юга довольно значительной рѣки, Малаго Музарта, сохранились слѣды китайскаго редута, и тутъ же, возлѣ, нѣкогда водруженъ вертикально огромный гранитный камень съ сдѣланною на немъ надписью, взглядываясь въ которую замѣчаешь, что невѣдомыя письмена начертаны глубокою древностью. Здѣсь находится еще одна достойная замѣчанія особенность музартскаго ущелья. Я говорю о небольшой березовой рощицѣ, пріютившейся на низменномъ берегу, при слияннѣ съ Уртенъ-музартомъ Малаго Музарта. Однако деревья этой рощицы нисколько

не напоминаютъ русской березы: это какія-то тощія, жиденькія, хотя и довольно высокія деревца, съ коричневою корою, съ мелкимъ листомъ и рѣдкими вѣтвями. Затѣмъ на всемъ протяженіи лѣсной полосы ущелья, береза встрѣчается весьма рѣдко, либо въ видѣ кустарника, либо въ видѣ отдѣльнаго деревца.

Отъ березовой рошцы ущелье принимаетъ все болѣе и болѣе живописный видъ. Скалистыя щеки правой стороны сплошь поросли слями, тогда какъ лѣвая сторона почти обнажена. Деревья и растительность на этой сторонѣ появляются только въ малыхъ поперечныхъ щеляхъ или, правильнѣе, ложбинкахъ.

Преобладающее дерево лѣсной полосы — пихта. Стройное и высокое дерево это, на какихъ бы крутыхъ покатостяхъ ни росло, всегда подымается вертикально кверху, и только у самаго подножія замѣчается небольшой выгибъ; видно, что тутъ происходила борьба, такъ сказать, внутренней силы роста, выгонявшей дерево перпендикулярно наклону почвы, и силы теплоты и свѣта, вытягивавшихъ растеніе, точно по отвѣсу, кверху. Иглы у музартской, какъ и вообще у средне-азіатской ели, короткія и мягкія. Опѣ густо облегають вѣточку, которая вслѣдствіе тяжести повисаетъ книзу. Книзу же висятъ и фіолетовыя шишки, точно лакомства, привѣшенныя на рождественской елкѣ.

Затѣмъ, въ музартскихъ лѣсахъ, кромѣ ели и березы, замѣчается только рябина, совершенно похожая на русскую. Изъ крупныхъ кустарниковъ, достигающихъ иногда размѣра деревьевъ, здѣсь попадаются таволга и боярышникъ, и особенно распространены тюлюрюкъ (верблюжій хвостъ), появляющійся въ изобиліи въ возвышенной части лѣсной полосы, какъ признакъ скорого прекращенія лѣсовъ и крупной растительности. Въ низкихъ частяхъ лѣсной зоны, тюлюрюкъ попадаетъ въ видѣ высокаго (до двухъ саженъ) ствола, толщиной до двухъ дюймовъ, густо обсаженнаго въ верхней половинѣ листьями и колючками. Изъ другихъ кустарниковыхъ породъ произрастають дикая смородина, барбарисъ и можжевельникъ.

Породы травъ въ ущельѣ болѣе многочисленны, чѣмъ породы деревьевъ и кустарниковъ, такъ что встрѣчающіяся по пути поляны, испещренныя самыми разнообразными полевыми и луговыми цвѣтами, представляются какъ бы коврами, сотканными роскошною растительностію.

Въ музартскихъ лѣсахъ въ изобиліи водятся моралы, дикія козы, горные бараны съ громадными рогами (архары), волки, зайцы, темпобурья лисицы, куницы. Кромѣ того, встрѣчаются медвѣди,

рыси, дикіе кабаны и барсы, заходящіе изъ притесненныхъ кустовъ и камышей. Звѣрей такъ много, что покатоги горъ перепутаны, точно сѣтью, тропинками, протоптанными животными.

Изъ птицъ, между прочими, обитають здѣсь грифы, орлы, беркуты, коршуны. Замѣчательно, что слѣдовъ человѣческихъ въ ущельѣ замѣчается меньше, чѣмъ слѣдовъ звѣрей и птицъ. Кромѣ камня и остатковъ редута, о которыхъ сказано выше, изъ дѣлъ рукъ человѣческихъ остались еще развалины небольшого китайскаго пикета У д ю н г е й, имѣвшаго видъ русской бревенчатой избы, да три или четыре мостика, возобновленные русскими. Особенно интересны два жердяные мостика, въ шести верстахъ отъ входа въ ущелье, переброшенные черезъ выступы въ скалѣ и висящіе надъ зияющею пропастью, на днѣ которой глухо шумитъ бѣшенный Музартъ. Туземцы заходятъ въ ущелье для охоты, преимущественно на мораловъ. Зимой и осенью по ущелью проходятъ изъ Кульджи караваны (на лошадяхъ) по пути въ Аксу и Кашгаръ, но не обратно, по причинамъ, которыя будутъ изложены ниже.

Дорога въ лѣтнее время, по описываемой мною части ущелья, представляетъ много привлекательности. Она сперва на значительномъ протяженіи идетъ вдоль лѣваго берега Музарта и вьется живописно то по узкимъ карнизамъ на покатостяхъ горъ, то по лугамъ, испещреннымъ цвѣтами, то по еловымъ рошамъ, оглашаемымъ щебетаніемъ птицъ, либо по просторнымъ равнинамъ, открывающимъ необыкновенно живописную панораму вдаль. Такое зрѣлище представляется, между прочимъ, по серединѣ пути, вблизи впаденія рѣчки Тосты въ Уртель-музартъ. Здѣсь долина рѣчки Музарта расширяется до одной версты и передъ глазами путника появляется громадный островъ Тянь-шана въ видѣ гигантскихъ пиковъ, сплошь убѣленныхъ снѣгомъ.

На всемъ протяженіи описываемаго мною пути, только одно, сравнительно малое, неудобство приходится испытывать путнику: это большіе и малые камешья, подчасъ заваливающіе дорогу, и среди которыхъ лошадь должна ступать съ большою осторожностью. Между различными породами камней встрѣчается и мраморъ, громадные куски котораго иногда представляются какъ бы перукотворными памятниками, воздвигнутыми самою природою.

Верстахъ въ тридцати отъ входа въ ущелье, надобно переѣзжать въ бродъ черезъ Уртель-музартъ и слѣдовать правымъ берегамъ его. За устьемъ рѣчки Тосты ущелье расширяется еще болѣе и доходитъ до полуторы и даже до двухъ верстъ ширины. Подъемъ

становится чувствительнѣе, растительность уменьшается; ели рѣдѣютъ и, вслѣдствіе перемѣны направленія ущелья къ югу, растутъ одинаково на обоихъ склонахъ горъ. Кусты тюля-куюрюка мельчаютъ, достигая высоты одного аршина. Дорога на протяженіи версты семи проходитъ по плоскимъ предгорьямъ восточнаго склона, носящимъ названіе урочища Ханъ-яйлагъ. Это урочище названо такъ потому, что въ прежнее время здѣсь пасся китайскій скотъ. Дѣйствительно, болѣе привольнаго мѣста для пастбы, кажется, трудно себѣ представить.

При впадѣніи рѣчки Арчалы въ Уртенъ-музартъ, ущелье упирается въ главный остовъ Тянь-шана, далѣе круто поворачиваетъ на западъ и приобретаетъ другой характеръ. Здѣсь лѣсное царство прекращается и наступаетъ царство ледниковъ.

Не доѣзжая до поворота музартскаго ущелья на западъ, должно опять переходить на лѣвый берегъ рѣчки, и затѣмъ уже до самаго истока ея дорога слѣдуетъ то правымъ, то лѣвымъ берегомъ.

Поворачивая на западъ, ущелье приобретаетъ видъ возвышенной долины или продолговатой котловины, имѣющей до пяти верстъ длины и до одной версты ширины, и ограниченной съ сѣвера крутымъ скалистымъ откосомъ сѣжнаго хребта, составляющаго какъ бы отломокъ главнаго, въ свою очередь ограничивающаго котловину съ южной стороны. Вотъ въ эту-то котловину съ трехъ сторонъ впадаютъ пять ледниковыхъ рукавовъ. Первый, самый большой, движется съ востока и образуется изъ нѣсколькихъ источниковъ: онъ запираетъ котловину съ восточной стороны, занимая дно ея на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, одной версты. Главный рукавъ этого ледника, спускаясь съ высотъ, поворачиваетъ на сѣверъ, даетъ начало бѣшеному ручью Арчалы, впадающему въ Уртенъ-музартъ, и тутъ же, саженихъ въ 50-ти отъ истока Арчалы, низвергается изъ-подъ ледника, какъ изъ подъ тощеля. Морена, выпяченная ледникомъ на сѣверъ, столь стара, что успѣла покрыться наносомъ и порости елью. Дальнѣйшее движеніе морены простирается на западъ. Второй ледникъ течетъ съ сѣвера на югъ. Онъ тянется сравнительно малою питкою по узкому ущелью и доходитъ только до половины покатости. Выпираемые имъ щебень и обломки скалъ дошли, однако, до подошвы котловины. Третій ледникъ, также двигающійся съ сѣвера на югъ, спускается гораздо ниже и предшествующіе ему обломки скалъ и мусоръ суживаютъ котловину до нѣсколькихъ сажень. Здѣсь западная часть крутой покатости, образовавшейся осыпями скалъ, вслѣдствіе движенія ледника, въ теченіе вѣковъ покрылась наносною почвою, поверхъ кото-

рой разрослась небольшая еловая роща—послѣдній, такъ сказать, передовой пунктъ лѣсной растительности на Тянь-шанѣ. Дальше уже не встрѣчается не только деревца, но и кустика. Здѣсь, даже въ самую жаркую пору года, ночи бываютъ холодныя и къ утру появляется морозъ.

Четвертый ледникъ спускается въ описываемую долину по ущелью перевала, по которому лежитъ путь, и гдѣ дорога опять круто мѣняетъ свое направленіе къ югу. Пятый ледникъ двигается съ запада и запираетъ долину съ этой стороны, у впаденія въ Уртенъ-музартъ небольшой рѣчки Тура-су. Такимъ образомъ, ледники эти, двигаясь съ главнаго хребта къ одному пункту, со временемъ обѣщаютъ наполнить долину и образовать одинъ ледяной бассейнъ или море, подобно тому какъ такое же море уже образовалось по ту сторону главнаго хребта.

Пройдя только-что описанную долину, дорога, какъ сказано, круто поворачиваетъ къ югу и слѣдуетъ по самому перевалу главнаго хребта. Отъ мѣста поворота до высшей точки перевала считается пять верстъ. Дорога здѣсь становится уже весьма затруднительною. Тропа, поднимаясь, вьется то по крутымъ утесамъ горъ, заваленнымъ камнями, между которыми лошадь должна пробираться съ большою осторожностью, по ледникамъ, по которымъ съ оглушительнымъ шумомъ катятся ручейки, или же должна ступить совсѣмъ безъ тропы по отвѣснымъ почти отклонамъ моренъ. Здѣсь необходимо уже идти пѣшкомъ, или, правильнѣе, ползти, цѣпляясь руками и ногами за острые выступы камней, часто вырывающихся и скатывающихся въ бушующій Музартъ, берущій здѣсь свое начало. По обоимъ бокамъ ущелья лѣплятся громадныя скалы, то въ формѣ острыхъ отвѣсныхъ пиковъ, то въ видѣ исполицскихъ глыбъ, по которымъ каскадами ниспадаютъ ручьи. Сѣжныя лавины нависаютъ надъ головою, грозя обрушиться и завалить значительное пространство. Время отъ времени обломки скалъ отрываются отъ пиковъ и, съ трескомъ прыгая и ударяясь о твердые бока утесовъ, исчезаютъ въ стремниннахъ. Вообще, отъ подошвы перевала начинается царство какого-то хаоса и неустройства.

Въ теченіе короткаго лѣта, растительность здѣсь еще появляется въ видѣ тощей травы и нѣсколькихъ породъ цвѣтчиковъ, между которыми первенствующее мѣсто занимаютъ фіалки.

Путь усѣянъ костями погибшихъ животныхъ, падающихъ отъ изнеможенія и безкормицы. Лѣтомъ по перевалу животнымъ идти немного лучше, чѣмъ осенью и зимою, когда снѣгъ заноситъ про-

межутки между камнями, и лошадь, ступая по снѣгу, проваливается между камней, вслѣдствіе чего часто отрываетъ копыта. Только вороны да коршуны, оглашая воздухъ зловѣщимъ крикомъ, находятъ себѣ раздолье въ этомъ царствѣ хаоса и ужаса.

Вершина перевала состоитъ изъ сѣдловины около полуверсты длины, слегка покатой къ югу и ограниченной съ боковъ отвѣсными скалами и пиками. Во время моего пребыванія на сѣдлѣ перевала, дулъ сильный вѣтеръ съ юга. Стоячая вода въ лощинахъ, несмотря на жаркую пору года (середина іюля), замерзла, но около одиннадцати часовъ ледъ сталъ растаивать.

Съ вершины перевала, имѣющей до 11,000 футовъ высоты надъ поверхностью моря, открывается видъ на исполинскія вершины Тянь-шана, сжимающія съ обѣихъ сторонъ южный склонъ музартскаго ущелья. Особенно красива гора, виднѣющаяся съ лѣвой стороны. Она имѣетъ форму удлиненнаго купола и кажется какъ бы высѣченною изъ превосходнаго бѣлаго мрамора.

Отъ сѣдла перевала путь идетъ то по правымъ, то по лѣвымъ утесамъ; между ними приходится переѣзжать одну лощину съ совершенно плоскимъ дномъ, по которому лѣтомъ струятся ручьи уже по направленію къ югу. Выбравшись изъ лощины на небольшую возвышенность, верстахъ въ трехъ отъ высшей точки перевала, взорамъ открывается ледяное море, преграждающее путь.

Это ледяное море есть обширный бассейнъ льда, заключенный между главными пиками Тянь-шана и отрогами его, лежащими по южную сторону бассейна. Бассейнъ наполняется ледниками со всѣхъ сторонъ и имѣетъ протяженіе сперва съ востока на западъ (около шести верстъ), а потомъ поворачиваетъ почти подъ прямымъ угломъ къ югу (верстъ восемь). Ширина бассейна отъ полуторы версты до двухъ верстъ. Ледяное море представляетъ собою мѣстность какъ бы взрытую ужаснымъ землетрясеніемъ. Громадные ледяные валы и бугры, покрытые мусоромъ и обломками камней, торчащихъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, являютъ картину страшнаго безпорядка. Въ началѣ эти валы и бугры, засыпанные зачастую мелкимъ камнемъ, кой-гдѣ поросли травкою, въ которой и въ щеляхъ камней гнѣздятся мириады пауковъ (черныхъ и сѣрыхъ) и маленькихъ мурашекъ. Изрѣдка появится и неизбѣжная муха, а то промелькнетъ и кака-нибудь маленькая птичка, находящая себѣ кормъ и на этомъ безпріютномъ морѣ.

Мѣстами ледяные холмы освобождаются отъ наваленныхъ камней и блещутъ на солнцѣ своими вершинами. Въ углубленіяхъ грядъ

текутъ потоки, пропадающіе потомъ въ пѣдрахъ ледниковъ. Мѣстами ледъ образуетъ трещины, въ видѣ гротовъ, пещеръ или глубокихъ колодезевъ, въ которыхъ дна невидны и приближаться къ которымъ весьма опасно, рискуя поскользнуться и упасть въ чернѣющую бездну. Пробираясь и лавируя съ гряды на гряды, перепрыгивая съ камня на камень, обходя колодцы и трещины, вы сразу патыкаетесь на озера, образующіяся отъ таянія льда на вершинахъ холмовъ.

Чѣмъ дальше подвигаетесь впередъ, тѣмъ количество мусора и камней становится меньше, а ледъ дѣлается чище и прозрачнѣе. Въ то же самое время и путь становится затруднительнѣе: вы скользите и падаете, ушибаясь подъ часть очень чувствительно; но за то виды представляются болѣе интересными и поразительными. Ледяные холмы достигаютъ 500—600 футовъ высоты; огромные камни—отторженцы скалъ—торчатъ въ самыхъ невообразимыхъ наклонныхъ положеніяхъ на тонкихъ подставкахъ льда, представляя собою нѣчто въ родѣ столовъ, либо грибовъ. Иногда вы попадаете въ ледяной коридоръ съ почти отвѣсными стѣнами.

Осенью и зимою, картины, представляемыя ледянымъ моремъ, еще эффектнѣе и изумительнѣе. Потоки и озера замерзаютъ, а вновь накаплиющіяся кристаллы льда производятъ самыя причудливыя формы: ледяные гроты, пещеры и ниши завѣшиваются кристаллами снѣга и льда, точно бахромою. Внутри пещеръ и нишъ образуются ледяные столбики, изображающіе какъ бы нарочно поставленные статуи.

Со сводовъ гротовъ и пещеръ до дна ниспадаютъ оледенѣлыя водяныя струи, до того твердыя, что ихъ невозможно разбить, и издающія при ударѣ пріятный металлическій звукъ.

Временами на этомъ морѣ слышится подземный гулъ, происходящій отъ тѣхъ трещинъ, которыя образуются въ нижнихъ слояхъ льда.

Подземный гулъ чередуется съ трескомъ отъ ниспадающихъ сверху камней, либо съ глухимъ шумомъ отъ катящихся по бокамъ утесовъ спѣшныхъ лавинъ, которыя эффектно рассыпаются подобно бомбамъ.

Во время моего пребыванія на ледяномъ морѣ, отъ двѣнадцати до четырехъ часовъ по полудни, стояла страшная жара, солнце палило немилосердно; но въ четыре часа небо сразу стало заволакиваться тучами, въ воздухѣ повѣяло холодомъ и какою-то осеннею сыростью, и вскорѣ стали падать ледяныя крупинки, въ родѣ тѣхъ, какія сыплются въ Россіи позднею осенью. Къ пяти часамъ все успокоилось. Вообще надобно замѣтить, что въ Средней Азій, въ горахъ, въ

теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ паденіе атмосферной влаги распредѣляется такимъ образомъ: на высотахъ отъ четырехъ до пяти тысячъ футовъ дожди почти ежедневны отъ четырехъ до семи часовъ вечера; утромъ и ночью рѣдки; на высотахъ отъ пяти до восьми тысячъ футовъ дожди перемежаются со снѣгомъ, скоро таящимъ; выше девяти тысячъ футовъ дождей уже нѣтъ, а идетъ снѣгъ, который, впрочемъ, и тутъ скоро становится.

Когда музартское ледяное море удобнѣе для слѣдованія — трудно рѣшить. Несомнѣнно, что пѣшкомъ, налегкѣ, его возможно проходить во всякое время года; не то съ лошадьми, а тѣмъ болѣе съ выюками. Судя по тому, что туземные караваны предпочитаютъ ходить по этому морю только зимою и осенью, слѣдуетъ допустить что эти времена года болѣе благоприятны для движенія, хотя и тогда необходимо отдѣлять извѣстный процентъ на убыль въ животныхъ, которые, скользя съ ледяныхъ грядъ и падая на острые камни, иногда убиваются. Вотъ почему и ледяное море, какъ и перевалъ, покрыто костями и скелетами погибшихъ животныхъ.

Верстахъ въ двѣнадцати отъ перевала, у небольшого кашгарскаго пикета Мазаръ-башъ (могильная голова), стоящаго на выступѣ скалы у лѣваго берега ледяного моря, обрывается почти отвѣсною стѣною футовъ въ 40—50. На этой стѣнкѣ во льду вырублены ступеньки. При слѣдованіи въ Аксу, люди и лошади спускаются по ступенькамъ при помощи веревокъ. И такимъ же способомъ поднимаются люди и продовольственные запасы на пикетъ. Но такъ какъ на веревкахъ было бы затруднительно поднимать лошадей, то караваны никогда и не ходятъ въ обратный путь изъ Аксу въ Кульджу. По той же причинѣ, и на первомъ кашгарскомъ пикетѣ гарнизонъ, въ числѣ до тридцати человекъ, содержится исключительно пѣшіи. Продовольствіе и топливо этому гарнизону доставляются изъ сосѣдняго пикета Тамга-ташъ (каменная печать) и складываются у подножія спуска, откуда то и другое перетаскивается посредствомъ веревокъ наверхъ.

За пикетъ Мазаръ-башъ никто изъ европейцевъ не ходилъ, и потому свѣдѣнія о дальнѣйшемъ пути по ущелью въ Аксу основываются на распросахъ туземцевъ. Изъ ихъ показаній оказывается, что исполинскій ледникъ, значительно суживаясь, окапчивается верстахъ въ трехъ отъ отвѣснаго спуска, и дорога далѣе идетъ по ущелью вдоль рѣки Музартъ-пынь-су, берущей начало изъ ледяного моря и текущей въ юговосточномъ направленіи, въ глубь кашгарскихъ владѣ-

ній. Дальнѣйшая дорога по узкому ущелью затрудняется время отъ времени только большими камнями, обломками скалъ.

Отъ перевала до выхода изъ ущелья, по рассказамъ туземцевъ, считается около полтора верста, а до города Аксу около двухсотъ.

Такимъ образомъ, южный склонъ ущелья почти вдвое длиннѣе сѣвернаго, имѣющаго протяженіе равное только пятидесяти верстамъ, слѣдовательно онъ долженъ быть и значительно положе. Вся же ширина Музарта, или Мустага, если принять во вниманіе, что ущелье тянется извилинами, будетъ равняться приблизительно полтора верстамъ.

VIII.

ОТЪ МУЗАРТА ДО КАРАКОЛА.

Позиція тьянь-шанскаго отряда. — Общее замѣчаніе о частяхъ нашихъ войскъ, расположенныхъ на передовой линіи. — Выючный трактъ отъ позиціи тьянь-шанскаго отряда до города Каракола — Характеръ мѣстности отъ пункта расположенія отряда до города Каракола. — Перекочевки киргизовъ. — Урочище Саиъ-ташъ. — Поселокъ Аксу.

Въ пяти верстахъ отъ входа въ музартское ущелье, на лѣвомъ берегу рѣки Ургень-музартъ, въ 1870 году расположенъ былъ небольшой русскій отрядъ. По близости лѣса, обильно покрывающаго весь сѣверный склонъ Тьянь-шана, отрядъ скоро обзавелся деревянными казармами и другими воинскими зданіями, такъ что нынѣ мѣстоположеніе отряда походитъ на великорусскую деревушку, какою-то чудомъ переброшенную въ самую глубь Средней Азій.

Въ нынѣшнемъ году поселились здѣсь два семейства русскихъ выходцевъ, начавшихъ заниматься хлѣбопашествомъ. Представителемъ торговаго сословія служитъ одинъ татаринъ, снабжающій отрядъ всѣмъ необходимымъ по цѣнамъ, конечно, соответствующимъ отдаленности пункта отъ большихъ торговыхъ и производительныхъ центровъ. Пунктъ расположенія отряда называется военнымъ терминомъ — позиціей тьянь-шанскаго отряда. Отрядъ этотъ первоначально былъ выставленъ съ цѣлью охранять спокойствіе нашихъ иссыкъ-кульскихъ киргизовъ отъ нападенія шаекъ, бродившихъ въ кульджинской провинціи. Съ покореніемъ послѣдней, шайки уничтожились, и теперь тьянь-шанскій отрядъ выполняетъ другую цѣль: онъ служитъ угрозою сосѣду нашему, кашгарскому правителю Ягубъ-беку, новая столица котораго, Аксу, расположена по ту сторону музартскаго ущелья, верстахъ въ 250-ти отъ нашего отряда. Сила отряда, разумѣется, не на столько велика, чтобы можно было взять значительный укрѣплен-

ный пунктъ, хотя бы и кашгарскій; но, въ случаѣ войны съ Кашгаромъ, нашъ Тянь-шанскій отрядъ, дѣйствуя съ успѣхомъ противъ передовыхъ кашгарскихъ пикетовъ и угрожая столицѣ, можетъ отвлечь часть силъ противника.

Тянь-шанскій отрядъ расположенъ на равнинѣ и можетъ съ успѣхомъ наблюдать за окрестною мѣстностью; бдительность и правдивыя качества войскъ служатъ оплотомъ отъ всякихъ враждебныхъ покушеній. Быть можетъ, со временемъ, подъ прикрытіемъ отряда, разовьется здѣсь большой русскій поселокъ или даже городокъ. Но и теперь миниатюрный городокъ производитъ уже пріятное впечатлѣніе тою чистотою и порядкомъ, которые замѣчаются какъ въ домахъ, такъ и вокругъ домовъ. Улицы, правда, еще не опредѣлились, дворы еще не огорожены, но чистота, соблюдаемая въ зданіяхъ и вокругъ, служитъ пока единственной отрадою и утѣшеніемъ обитателей этого далекаго пограничнаго русскаго уголка.

Во мнѣ, быть можетъ и во всѣхъ тѣхъ, кто никогда не бывалъ на нашихъ отдаленныхъ окраинахъ, существовало убѣжденіе, что части войскъ, расположенныя въ глухихъ и заброшенныхъ мѣстахъ, должны быть хуже тѣхъ, которые расположены въ большихъ центрахъ. Побывавъ въ нашихъ пограничныхъ пунктахъ Семирѣченской Области, я пришелъ къ иному заключенію.

Отсутствіе развлеченій, какъ для нижнихъ чиновъ, такъ и для офицеровъ, побуждаетъ тѣхъ и другихъ сосредоточиваться на дѣлѣ. Служебныя занятія кипятъ; къ различнымъ воинскимъ упражненіямъ люди относятся съ любовью. Кроме того, боевая и походная жизнь сближаетъ офицеровъ съ солдатами. Тѣ и другіе знаютъ и понимаютъ другъ друга. Здѣсь офицеръ не баринъ-бѣлоручка, появляющійся между своими солдатами для проформы, но такой же труженикъ и служака, какъ и они, раздѣляющій съ ними всѣ тягости и лишения. Вслѣдствіе частаго общенія офицеровъ съ солдатами, дисциплина развита въ высшей степени; она соблюдается не только по отношенію солдатъ къ офицерамъ, но и между послѣдними въ порядкѣ подчиненности.

Въ свободное отъ служебныхъ занятій время, и офицеры, и солдаты занимаются охотою, которая поощряется и высшимъ начальствомъ, особенно охота на хищныхъ звѣрей и, между прочимъ, на тигровъ.

По вечерамъ, передъ вечернею зарею, солдатики собираются вмѣстѣ и поютъ пѣсни. Пѣсни, въ большинствѣ случаевъ, кавказскія, передѣланныя сообразно съ новою обстановкою. Зачастую нижніе чины

и сами слагаютъ новыя пѣсни, въ которыхъ воспѣваютъ свои удалые походы и геройскіе подвиги начальниковъ и командировъ.

Чистота и опрятность въ одеждѣ соблюдаются нижними чинами очень строго. Начальствующія лица хорошо поняли здѣсь, что, если разъ допустить послабленіе относительно костюма, небрежность въ одеждѣ будетъ возрастать crescendo и нижшіе чины лучшія вещи свои станутъ или сбывать, либо пропивать, какъ ненужныя.

Отъ Музарта до Каракола, уѣзднаго городка лежащаго близъ озера Иссыкъ-куля, считается до 230 верстъ. Для сообщенія отряда съ городомъ устроенъ такъ-называемый вьючный трактъ, т. е. тяжести перевозятся на верблюдахъ, а проѣзжающія лица слѣдуютъ верхомъ на лошадахъ. На этомъ трактѣ семь станцій; на каждой станціи отъ четырехъ до шести лошадей и по одному верблюду.

Вьючное сообщеніе учреждено здѣсь не потому, чтобы другого, колеснаго, нельзя было устроить, но потому, что въ колесномъ еще не настоятъ потребности: число проѣзжающихъ ограничено и выгоды отъ содержанія тракта не окупили бы издержекъ.

Устройство же колеснаго сообщенія отъ Музарта до Каракола не можетъ представить препятствій, такъ какъ дорога почти по всему протяженію ровная, гладкая, идущая все время по долинѣ, окоймленной справа и слѣва горными цѣпами, посѣщенными у туземцевъ различными наименованіями въ различныхъ мѣстахъ. Горная цѣпа, тянущаяся слѣва, не высока; но изъ за нея выглядываютъ неполиніскіе пики другой болѣе высокой цѣпы, покрытой вѣчными снѣгами. Равнинный характеръ мѣстности мѣняется два раза: сперва верстахъ въ шестидесяти пяти отъ музартскаго отряда, вскорѣ по переправѣ черезъ верхній Текесъ, когда надобно проѣзжать ущельемъ и вслѣдъ затѣмъ невысокими горными увалами въ поперечномъ хребтѣ (Кокъ-кія), и потомъ, верстахъ въ ста пятидесяти пяти отъ Музарта, когда приходится переваливать черезъ другой поперечный хребетъ Тасма, переваломъ Кизыль-кія, тянущимся верстъ на пятнадцать, между рѣками Тюпомъ и Джергаламомъ. Такъ какъ горныя цѣпы, окоймляющія долину съ лѣвой стороны, выше, то горныя ручьи и рѣчки, пересекающіе дорогу, текутъ съ этой стороны, по направленію съ юга. Самая большая и самая затруднительная для проѣзда изъ этихъ рѣчекъ есть Улькунъ-музартъ (Большой Музартъ), пересекающій дорогу въ шестнадцати верстахъ отъ музартскаго отряда. Верхомъ эту рѣку можно перейти во всякое время, но на колесныхъ экипажахъ возможно переѣхать только въ малую воду, т. е. съ утра до полудни. Всѣ осталь-

пья рѣчки не столь значительны и въ бродѣ могутъ быть переѣзжаемы во всякое время.

Первая половина описываемой мною долины (до станціи Сарыджазъ) есть какъ бы удѣлъ кочевниковъ-калмыковъ, а вторая удѣлъ совершенно другого кочевого племени, кара-киргизовъ. Въ настоящее время, калмыковъ здѣсь осталось весьма немного, да и тѣ измѣльчали и вовсе не походятъ на своихъ предковъ, которые въ прошломъ вѣкѣ владѣли всею верхнеилійскою странюю. Тогда калмыки образовывали особое царство, имѣли города, деревни и крѣпости. Слѣды ихъ капитальныхъ сооружений существуютъ и понынѣ, въ видѣ сумбе (монастырей), крѣпостныхъ оградъ, оросительныхъ канавъ и пр. Однимъ изъ такихъ фактовъ калмыцкой осѣдлости служатъ слѣды города и крѣпости, встрѣчающіеся на пути изъ музартскаго отряда, вскорѣ послѣ переправы черезъ Улькунъ-Музартъ. Крѣпость состояла изъ расположенныхъ четырехугольникомъ земляныхъ валовъ, еще и донынѣ хорошо сохранившихся; но отъ зданій ничего не осталось. За городомъ тянутся арыки, орошавшіе когда-то поля.

Вблизи остатковъ калмыцкой крѣпости, на горной рѣчкѣ Нарынъ-колъ, строится русскій поселокъ. Тридцать шесть семействъ сибирскихъ казаковъ пришли сюда лѣтомъ 1872 года и стали селиться на весьма удобной мѣстности, у опушки лѣса, покрывающаго берега Нарынъ-кола. Кроме того, въ тѣхъ шанскихъ горахъ, отстоящихъ отъ мѣста поселка верстахъ въ пяти, также есть превосходный словый лѣсъ. Деревянные дома поселенцевъ растутъ какъ грибы, такъ что теперь нѣкоторые изъ нихъ уже окончены.

Верстахъ въ 25-ти отъ станціи Сарыджазъ, вправо отъ дороги, у подошвы горъ, находится источникъ, замѣчательный обильнымъ содержаніемъ превосходной соли. Кара-киргизы издавна вывариваютъ здѣсь соль, которую нынѣ продаютъ и въ русскіе поселенные пункты. Для выварки соли служила словая роща, теперь почти вся уже вырубленная.

Долина между переваломъ Кокъ-кія и Кизылъ-кія, покрытая густою и сочною травою, даетъ пристанище кара-киргизамъ рода богу, кочующимъ здѣсь весною и лѣтомъ. Въ концѣ лѣта, кара-киргизы начинаютъ перекочевывать къ берегамъ озера Иссыкъ-куль, гдѣ собираютъ посѣянный хлѣбъ и устанавливаются на зимнія стойбища. Во время моего проѣзда, богинцы, будто стаи перелетныхъ птицъ, уже направлялись къ Иссыкъ-кулю.

Картина перекочевки киргизовъ представляетъ необыкновенную

пестроту. Переходъ съ одного мѣста на другое для кочевника самый торжественный праздникъ. Люди наряжаются въ лучшія одежды; лошади покрываются цвѣтными чапраками и щегольскими сѣдлами; верблюды, перевозящіе домашній скарбъ, сверху покрываются коврами и дорогими матеріями. Впереди ѣдетъ хорошенькая дѣвочка, совершеннолѣтняя, либо близкая къ совершеннолѣтію: она какъ бы открываетъ шествіе; за нею слѣдуетъ старшая изъ женъ, потомъ остальные жены, при которыхъ ѣдутъ и ихъ ребятишки, привязанные къ сѣдлу, если они такъ малы, что сами еще не могутъ держаться на сѣдлѣ. Мужчины слѣдуютъ стороною и охотятся съ ружьями, либо посредствомъ беркутовъ и соколовъ. На выюкахъ самыя лучшія и блестящія вещи привязываются сверху, для того чтобы пестрили въ глазахъ и свидѣтельствовали о богатствѣ хозяина. Русскіе подносы, сундуки, обитые жестью, самовары, все это непременно выставляется на показъ, на зависть тѣмъ, у кого такихъ вещей нѣтъ, или онѣ похуже.

Часть описываемой долины, прилегающая къ верховьямъ рѣки Тюпа, называется урочищемъ Санъ-ташъ, получившимъ свое названіе отъ грудъ камней, усматриваемыхъ близъ упомянутой рѣки. Санъ-ташъ въ переводѣ съ тюркскаго означаетъ счетъ камней. Преданіе говоритъ, что Тимуръ, во время похода своего въ Китай, желая сосчитать число своихъ войскъ, велѣлъ на этомъ мѣстѣ каждому воину положить по камню въ одну кучу. На обратномъ пути, по приказанію Тимура, тѣ же воины должны были взять изъ кучи по камню назадъ. Количество оставшихся въ кучѣ камней показало количество погибшаго войска въ походѣ.

Урочище Санъ-ташъ, перевалъ Кизылъ-кія и верховья Джергаланна составляютъ пространство, играющее роль какъ бы этапа при перекочевкахъ киргизовъ. Мѣстность эта чрезвычайно живописна и привольна: вода въ изобиліи, кормы превосходные и, кроме того, въ горахъ растетъ лѣсъ, дающій кочевникамъ топливо.

Спустившись съ перевала и переправясь въ бродѣ черезъ рѣку Джергаланъ, вы ступаете на равнину гладкую, ровную, каменистую, не представляющую никакихъ удобствъ для кочевковъ, вслѣдствіе чего вся мѣстность эта, на протяженіи 40 верстъ, пустынна и не населена. Равнина то суживается, то расширяется горами, ограничивающими ее справа и слѣва; по дороге все время идетъ близъ лѣвой горной цѣпи, сѣверные склоны которой покрыты хвойнымъ лѣсомъ. Изъ-за этой цѣпи, образующей только какъ бы предгорье, глядятъ убѣленные главы основного тѣнь-шанскаго хребта, дающаго

начало множеству горныхъ рѣчекъ, пересѣкающихъ путь. У одной изъ такихъ рѣчекъ, на столько глубокой и быстрой, что черезъ нее устроены мосты, у подошвы самыхъ горъ пріютился русскій поселокъ Аксу, названный по имени рѣчки. Года три тому назадъ, пунктъ этотъ былъ центромъ управления иссыкъ-кульскими киргизами и уѣзднымъ городомъ. Поселокъ состоитъ изъ крестьянъ-выходцевъ изъ Томской и Воронежской губерній. Ближайшія окрестности поселка необыкновенно живописны; значительная рѣка даетъ возможность достаточно орошать поля. Кроме того, почва съ лихвою вознаграждаетъ трудъ земледѣльца. Но, несмотря на всѣ эти благоприятствующія условія, вслѣдствіе политическихъ соображеній найдено было нужнымъ центръ уѣзда перенести на 12 верстъ къ западу, на рѣку Караколъ.

IX.

КАРАКОЛЪ.

Мѣстоположеніе города Каракола.—Рѣка Караколъ.—Климатъ.—Статистическія данныя о городѣ.—Занятія жителей.—Окрестности города.—Каракольское ущелье.—Минеральные ключи.—Курганы.—Подводныя постройки въ озерѣ Иссыкъ-куль.

Городъ Караколъ (по-киргизски значитъ черная рука) составляетъ средоточіе управленія иссыкъ-кульскимъ уѣздомъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу горной рѣчки Караколъ, верстахъ въ четырехъ отъ ущелья, изъ котораго она вытекаетъ, и верстахъ въ двѣнадцати отъ озера Иссыкъ-куля. Городъ основанъ въ 1869 году, и лежитъ на плоской покатоности, возвышающейся подобно гласису къ горной цѣпи Терской-тау, которая образуетъ какъ бы передовую цѣпь Тянь-шана.

Шумливая рѣчка Караколъ, пробивая эту цѣпь, течетъ стремительно по большимъ камнямъ въ направленіи къ сѣверо-западу и впадаетъ въ Иссыкъ-куль. Ширина рѣчки у города около трехъ сажень, а глубина хотя и не превосходитъ полуроста человѣческаго, но, вслѣдствіе быстроты теченія по крупнымъ камнямъ, препятствуетъ переправѣ въ бродъ. Черезъ рѣку построенъ мостъ.

Видъ и мѣстоположеніе города крайне печальны. Онъ напоминаетъ небольшую великорусскую деревушку. Расположенный на голой покатоности, Караколъ подвергается дѣйствию сильныхъ вѣтровъ, дующихъ по двумъ направленіямъ, съ юга изъ каракольской щели и съ сѣверо-востока съ верховій Джергалана и Тюпа. Послѣдній вѣтеръ приноситъ съ собою влагу. Вѣтры, большею частію, разражаются

послѣ полудни отъ четырехъ до семи часовъ, вздувая облака пыли. Лѣтніе жары чрезвычайно сильны и тяжелы, а зимніе холода, вслѣдствіе возвышеннаго положенія города надъ уровнемъ моря (до 5,500 футовъ) достигаютъ до 20°. Кроме того, здѣсь часты снѣжные бураны (вьюги). Зимой снѣгъ глубоко покрываетъ окрестности города, по въ самомъ городѣ по улицамъ не держится, будучи, тотчасъ по выпадѣ, сдуваемъ вѣтрами. Рѣка зимою глубоко промерзаетъ, отъ чего ощущается недостатокъ въ водѣ. Въ силу всѣхъ этихъ неблагоприятныхъ условій, положеніе каракольцевъ оказывается довольно тягостнымъ, и населеніе желало бы переселиться на другое мѣсто, поближе къ озеру, гдѣ оно могло бы заниматься и рыболовствомъ.

При всемъ томъ климатъ Каракола весьма здоровый; вслѣдствіе отсутствія садовъ и неимѣнія фруктовъ, жители избавлены даже и отъ тѣхъ болѣзней, которыя господствуютъ въ азиатскихъ городахъ отъ употребленія въ пищу плодовъ. Чаше встрѣчающаяся здѣсь болѣзнь есть перемежающаяся лихорадка, порождаемая рѣзкими переходами отъ дневного зноя къ ночной прохладѣ.

Въ настоящее время въ Караколѣ 80 домовъ и 52 лавки. Зданія почти всѣ деревянные, построенныя изъ лѣса, растущаго верстахъ въ семи отъ города, въ горахъ. Въ нынѣшнемъ году сдѣлано распоряженіе о прекращеніи строить дома изъ дерева. Отъ такого распоряженія городъ не проиграетъ, ибо каменные зданія (изъ сырцоваго кирпича) будутъ стоить дешевле (*); кроме того они будутъ теплѣе, и, конечно, безопаснѣе отъ пожара. Сырцовые дома строятся весьма быстро: ихъ и теперь уже сложено до двадцати. Городъ распланированъ правильно, на четырехугольники, ровными и широкими улицами, число которыхъ нынѣ простирается до двѣнадцати.

Мельницы имѣются только водяныя: ихъ пять; заводовъ и другихъ промышленныхъ заведеній пока нѣтъ.

Населеніе, кроме войскъ, состоитъ изъ 150-ти человекъ (83 души мужескаго пола и 67 женскаго). Большинство составляютъ татары и сарты, выходцы изъ Ташкента и другихъ городовъ Туркестана. Русскихъ мѣщанъ и крестьянъ 20 душъ обоего пола. Такимъ образомъ, закладка города чисто-мусульманская. Но все мусульманское населеніе Каракола тонетъ въ значительномъ количествѣ войскъ, расположенныхъ здѣсь. Въ городѣ расположены, въ казармахъ, цѣлый батальонъ пѣхоты, двѣ сотни казаковъ и одна горная батарея.

(*) Тысяча сырцовыхъ кирпичей стоитъ здѣсь отъ 1 р. до 1 р. 50 к.

Въ окрестностяхъ города, на рѣкѣ Караколѣ, есть нѣсколько юртъ калмыковъ, которые занимаются на черныя работы.

Главнѣйшее занятіе жителей Каракола — торговля. Татары и сарты торгуютъ, по преимуществу, съ киргизами, приходящими сюда для закупокъ предметовъ первой необходимости. Хлѣбопашество еще только въ зародышѣ. Хлѣбъ покупается, либо вымѣнивается изъ сосѣднихъ русскихъ поселковъ или у киргизовъ. Пшеница стоитъ около 20 копѣекъ пудъ. Говядина и баранина также не дороги и не превышаютъ двухъ рублей за пудъ. Соль 50 коп. пудъ. Но если дешевы предметы первой необходимости, то, наоборотъ, всѣ предметы, привозимые изъ Европейской Россіи, непомерно дороги.

Окрестности Каракола болѣе интересны, чѣмъ самый городъ.

Верстахъ въ четырехъ къ югу отъ города, тянется каракольское ущелье. Оно сперва имѣетъ юго-западное направленіе, и верстахъ въ двадцати пяти отъ входа становится непроходимымъ; развѣтвляется на множество второстепенныхъ щелей и долинъ, въ которыхъ находятся превосходныя пастбищныя мѣста и строевой лѣсъ. При входѣ въ ущелье, является въ большомъ количествѣ барбарисъ, а вслѣдъ затѣмъ и еловый лѣсъ (пихта). Правая сторона щели здѣсь, какъ и въ музартскомъ ущельѣ, покрыта растительностію, тогда какъ на лѣвой послѣдняя замѣтна лишь въ поперечныхъ ложбинкахъ.

Растительное царство каракольской щели отличается отъ музартской только тѣмъ, что здѣсь березы не встрѣчаются вовсе. Что же до породъ звѣрей и птицъ, то онѣ присущи одинаково всему протяженію Тянь-шанскаго хребта отъ Музарта, по крайпей мѣрѣ, до меридіана западной оконечности озера Иссык-куля. Хребетъ Терсей-тау, трещина котораго и образуетъ каракольскую щель, хотя и составляетъ только второстепенную цѣпь, но, тѣмъ не менѣе, мѣстами имѣетъ снѣжныя вершины и даже ледники.

За Терсей-тау лежитъ высокая гористая страна, извѣстная подъ именемъ Сырта, гдѣ въ безпорядкѣ высятся громадные хребты, на которыхъ залегаютъ обширные ледники. Въ числѣ послѣднихъ особенно замѣчательнъ ледникъ, дающій начало рѣкѣ Нарыну, главнѣйшему притоку Сыръ-дарьи.

Окрестности Каракола славятся минеральными ключами, именуемыми по-туземному ара са на м и. Ключи расположены въ необыкновенно живописной аксуйской щели; ближайшій (желѣзистый) ключъ находится отъ Каракола въ шестнадцати верстахъ и верстахъ въ двухъ отъ входа въ Аксуйское ущелье. Къ ключу спускаются по вы-

сокой и чрезвычайно крутой скалѣ, въ которой тропинка выбита зигзагами. У подошвы этой скалы, на правомъ берегу быстрой Аксуйки, шагахъ въ трехъ отъ русла рѣки, и расположенъ цѣлебный источникъ. Онъ имѣетъ до трехъ сажень длины, до одной сажени ширины и свыше одного аршина глубины. Дно твердое и крупнопесчаное. Посредствомъ узкаго протока, ключъ впадаетъ въ Аксуйку. Температура ключа +32° по Р. Вода необыкновенно чистая и имѣетъ свойство сильно преломлять лучи. Она пріятна на вкусъ и на осязаніе и смягчитъ кожу. Купанье производитъ нѣкоторую истому. Бассейнъ осыненъ яблоками; края его заботливо расчищены и обложены крупными камнями. Видно, что туземцы издавна знали цѣлебную силу ключа. На одномъ изъ камней, облегающихъ бассейнъ, выдолблено семь ямокъ, въ которыя калмыки насыпали зерна для приношенія божеству, по ихъ мнѣнію, невидимо присутствовавшему въ источникѣ. Киргизы то же божество умилостивляли по-своему: они навѣшивали на деревья лоскуты одежды, а на камни клали кости и черепы животныхъ, остатки которыхъ сохраняются и понынѣ.

Вода въ источникѣ лѣтомъ повышается, зимою падаетъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этого ключа находится еще одинъ теплый же; но воды въ немъ очень немного.

Саженьяхъ въ пятидесяти ниже этихъ двухъ ключей, на лѣвомъ берегу Аксуйки, вытекаетъ изъ скалы еще два теплыхъ и одинъ холодный ключъ, впрочемъ незначительные. На притокѣ Аксуйки, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ описаннаго ключа, извѣстенъ одинъ большой горячій ключъ, температура котораго столь высока, что, по рассказамъ, одинъ киргизъ недавно сварился въ немъ. Къ сожалѣнію, этотъ послѣдній ключъ я не имѣлъ возможности осмотрѣть.

Возлѣ Каракола, вдоль по теченію рѣки, вниманіе путника обращаютъ на себя курганы, разсѣянные по всему Иссык-кульскому уѣзду, особенно по сѣверному берегу озера Иссык-куля, отъ устья рѣки Тюпъ до урочища Кесъ-сенгиръ, а также и вдоль Александровскаго хребта. Курганы достигаютъ иногда большихъ размѣровъ, другіе называются легкимъ вздутіемъ на поверхности земли, но всѣ одинаково присыпаны сверху камнями. Общій типъ высокихъ кургановъ — холмъ съ воронкою внутри, гребень которой покрытъ камнями, величиною въ кулакъ и болѣе. Дно воронки порослаетъ бурьяномъ и дикими цвѣтами; съ одной стороны воронки прорывъ, образующій какъ бы входъ во внутрь кургана. Высота холмовъ доходитъ до трехъ сажень, окружность гребня воронки до ста и болѣе шаговъ.

Происхожденіе здѣшнихъ, точно также какъ и южно-русскихъ, кургановъ остается равно загадочнымъ: одни считаютъ ихъ сторожевыми пунктами, другіе — могилами сильныхъ людей, а иные, наоборотъ жилищами людей, не знавшихъ употребленія юрты и не умѣвшихъ строить домовъ.

Мнѣ кажется, что здѣшніе курганы суть слѣды кладбищъ кочевниковъ. Киргизы и поныи имѣютъ обыкновеніе нѣсколько могилъ обводить одною оградой. Отъ времени ограда заносится пескомъ и разными напосами, вслѣдствіе чего и образовывается холмъ съ воронкою внутри, и съ пониженіемъ тамъ, гдѣ былъ входъ въ ограду. Здѣшнихъ кургановъ еще никто не раскапывалъ. Раскопка и изслѣдованіе ихъ, быть можетъ, приведутъ къ какимъ-нибудь интереснымъ положительнымъ выводамъ.

Территорія Иссык-кульскаго уѣзда, населенная, за исключеніемъ шести русскихъ поселковъ, одними кочевниками, сохраняетъ на себѣ слѣды давнишней осѣдой жизни. Народныя преданія, китайскія лѣтописи и остатки городовъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь когда-то обитали племена, достигавшія болѣе зрѣлой цивилизаціи, чѣмъ нынѣшніе туземцы.

По китайскимъ лѣтописямъ, на восточномъ берегу Иссык-куля существовалъ нѣкогда городъ Чигу, построенный китайскими рабочими для усуньскаго владѣтеля. Извѣстно также, что сирійскіе якобиты имѣли на озерѣ монастырь съ мощами апостола Матѳея. Но остатки городовъ и зданій, въ настоящее время, находятся подъ водою. Верстахъ въ тридцати отъ Каракола, на урочищѣ Койсары, въ нѣсколькихъ десяткахъ саженъ отъ берега, усматриваются подъ водою одни изъ такихъ развалинъ. Превосходно-обожженный кирпичъ, изъ котораго сложены стѣны подводнаго города, нынѣ разбирается киргизами на постройку своихъ гробницъ (мазаровъ). Волнами выбрасываются на берегъ кости и черепы животныхъ и людей, обломки посуды и другія издѣлія человеческихъ рукъ. Къ числу найденныхъ въ этомъ году вещей относятся двѣ монеты, мѣдный котелокъ или урна, служившая, вѣроятно, для жертвоприношеній и мѣдный же свѣтецъ съ крышечкою, на подставкѣ.

Остатки кирпичныхъ зданій усматриваются и въ другихъ частяхъ озера; но всѣ они еще не изслѣдованы.

Учрежденіе судоходства на озерѣ, нѣтъ сомнѣнія, дастъ путеводную нить для изслѣдованій, какія постройки находятся на днѣ озера; къ какой эпохѣ относятся и какому народу принадлежали.

X.

ОЗЕРО ИССЫКЪ-КУЛЬ.

Догадки о происхожденіи озера и о причинахъ убыванія въ немъ воды. — Топографическія данныя объ озерѣ. — Свойство береговъ. — Причины замерзанія озера. — Климатическія данныя.

Озеро Иссык-куль фактически стало извѣстно намъ въ недавнее время. Продолжительная кровавая борьба двухъ племенъ кара-киргизскихъ, сарабагишей и богу, обитающихъ по берегамъ озера, принудила ихъ одно за другимъ просить о принятіи въ русское подданство. Вслѣдъ за принятіемъ въ наше подданство этихъ племенъ, были произведены съемки и ученые изслѣдованія дотолѣ мало извѣстнаго европейцамъ озера, и, благодаря астрономическимъ и топографическимъ съемкамъ, произведеннымъ въ 1859 году, какъ положеніе, такъ и фигура его были окончательно опредѣлены. Къ сожалѣнію, нельзя сказать того же относительно пѣдръ озера, которыя и до сихъ поръ остаются необслѣдованными. Изъ русскихъ (а тѣмъ паче изъ киргизовъ) еще никто не рѣшался плавать по озеру, и только въ нынѣшнемъ году въ городѣ Караколѣ строится судно, на которомъ въ концѣ лѣта предполагалось произвести плаваніе и изысканіе озера.

Происхожденіе озера Иссык-куля весьма загадочно. Съ одной стороны есть основаніе думать, что озеро, въ отдаленную геологическую эпоху, входило въ общій бассейнъ Каспія, Арала и Балхаша, потомъ раздѣлившись вслѣдствіе поднятія между ними почвы и высыханія. Но, съ другой стороны, въ виду того, что на днѣ озера открываются постройки, что волнами изъ пѣдръ его выбрасываются человѣческія кости, черепы, посуда, кирпичи и проч. можно съ большою вѣроятностью допустить, что происхожденіе Иссык-куля одинаково съ происхожденіемъ Мертваго Моря, т. е. что мѣстность провалилась уже въ недавнюю историческую эпоху, и, провалившись, тотчасъ была залита водою.

Народныя преданія киргизовъ и калмыковъ, несмотря на различныя отбѣнки и подробности, одинаково свидѣтельствуютъ, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь озеро Иссык-куль, существовалъ когда-то большой городъ, среди котораго былъ колодезь, и что однажды изъ этого колодца вода хлынула черезъ край и затопила какъ городъ, такъ и всѣ окрестности его.

Одно несомнѣнно: поверхность озера, въ былое время, стояла го-

раздо выше, чѣмъ теперь, и убыль воды въ озерѣ дѣлается замѣтною чуть не съ каждымъ годомъ.

Туземцы рассказываютъ, что, на ихъ глазахъ, въ теченіе лѣтъ десяти, береговая полоса освободилась, мѣстами, отъ воды по крайней мѣрѣ на версту.

Наблюденіе надъ свойствами дна, побережья и береговыхъ горныхъ терасъ, покрытыхъ одними и тѣми же породами, приводитъ также къ заключенію, что поверхность воды въ озерѣ пѣкогда стояла далеко выше, чѣмъ теперь. Г. Семеновъ допускаетъ догадку, что слишкомъ высокая вода Иссыкъ-куля, посредствомъ Кутемалдинскаго протока, хлынула въ рѣку Чу, которая, пробивъ себѣ ложе въ Александровскомъ хребтѣ, образовала Буамское ущелье. Послѣ, когда уровень озера и понизился до такой степени, что оно перестало быть истокомъ рѣки Чу, количество воды въ немъ продолжаетъ уменьшаться, такъ какъ, по объясненію г. Семенова, притоки озера годъ отъ году не вознаграждаютъ потери испаряемой имъ воды, вслѣдствіе оскудѣванія, происходящаго отъ повышенія снѣжной линіи въ климатѣ, который становится болѣе и болѣе континентальнымъ.

Кара-киргизы никогда не осмѣливались пускаться въ озеро, будучи совершенно безсильны вступать въ борьбу съ чуждою для нихъ стихіею. Для нихъ озеро не только не представляло никакихъ выгодъ, напротивъ, причиняло вредъ, отнимая значительное количество земли для кочевковъ и оставляя имъ узенькую полосу вдоль берега. Вотъ причина, почему, согласно преданію, каракиргизы задумали спустить озеро посредствомъ рѣки Чу въ Сыръ-дарью. Для этой цѣли ими былъ выкопанъ въ западной части озера арыкъ или каналъ Кутемалды, длиною около четырехъ верстъ, соединившій озеро съ рѣкою Чу.

Но киргизы ошиблись въ расчетѣ и достигли результатовъ какъ разъ противоположныхъ: вода не только не пошла изъ озера въ Чу, а, напротивъ, Чу стала течь въ озеро, и арыкъ Кутемалды, вмѣсто истока Иссыкъ-куля, обратился въ его притокъ (*).

(*) Происхожденіе Кутемалды долго занимало и продолжаетъ занимать изслѣдователей озера Иссыкъ-куля. Одни (г. Семеновъ) считали рѣчку естественнымъ истокомъ озера; другіе (г. Венюковъ), его естественнымъ притокомъ. Мнѣ же кажется болѣе вѣроятнымъ считать Кутемалды притокомъ искусственнымъ. Г. Венюковъ не можетъ допустить искусственнаго происхожденія рѣки по слѣдующимъ причинамъ: 1) странно было бы, говоритъ онъ, провести арыкъ въ самомъ низкомъ мѣстѣ кутемалдинской долины, вслѣдствіе чего пускать изъ него воду на поля было бы нелзя; 2) никакихъ побочныхъ развѣтвленій незамѣ-

Озеро Иссыкъ-куль заключено точно въ чашѣ, въ исполинской котловинѣ, образуемой развѣтвленіемъ Тянь-шана и направляющейя отъ сѣвера-востока къ юго-западу. Размѣры котловины гораздо больше, чѣмъ размѣры собственно озернаго бассейна, а именно: озеро имѣетъ въ длину 169½ верстъ, въ ширину 57 верстъ, тогда какъ длина котловины отъ входа Чу въ Буамское ущелье до горнаго перевала Кизылъ-кія (Санъ-тамъ), простирается до 250 верстъ, а наибольшая ширина между подошвами горъ, замыкающими котловину съ сѣвера и юга, доходитъ до 80 верстъ.

Поверхность озернаго бассейна равняется 116 квадратнымъ милямъ; высота, на основаніи барометрическихъ наблюденій г. Голубева, равна 5,300 футамъ надъ поверхностью моря.

Занимая самую низкую часть котловины, озеро ограничивается, точно коймою, плоскимъ или слегка покатымъ берегомъ, ширина котораго мѣстами доходитъ до двадцати верстъ. Въ двухъ мѣстахъ, впрочемъ, почти на срединѣ меридіана озера, поперечные отроги горъ съ сѣвера и съ юга подходятъ на встрѣчу къ самому озеру и омываются его волнами, такъ что дорога въ этихъ мѣстахъ идетъ по крутой покатоности отроговъ надъ самымъ озеромъ. Ширина отрога у сѣвернаго берега, называемаго урочищемъ Кесъ-сенгиръ, около одной версты; южный же отрогъ, называемый Чарпыльдакъ, нѣсколько шире.

Полагать должно, что эти двѣ цѣпи продолжаютъ и подъ поверхностью озера, такъ какъ на срединѣ озера усматривается мель.

Сѣверное побережье озера извѣстно подъ именемъ Кунгея (т. е. сторона, обращенная на солнце), а южная—Терская (сторона, находящаяся въ тѣни). Также точно и горы, окоймляющія бассейнъ съ сѣвера, именуются Кунгей-тау, а окоймляющія съ юга — Терской-тау. Средняя высота Кунгей-тау, иначе называемой Запайскимъ Алатау, равняется 11,000 футамъ надъ поверхностью моря. Средняя часть этого хребта, на протяженіи верстъ 60-ти, возвышается до 14,000

но, а безъ этого арыки не существуютъ; 3) ложе рѣчки извилисто и у береговъ ея незамѣтно насыпей, которыми были бы доказательствомъ, что русло образовано выкапываніемъ земли.

Но первыя два возраженія устраняются, если сообразимъ цѣль прорытія канала. Каналъ былъ вырытъ вовсе не для орошенія пашень, для чего не было вовсе и надобности соединять озеро съ Чу; но коль скоро имѣлось въ виду спустить озеро въ рѣку, то весьма естественно было вести каналъ по самому узкому и низменному мѣсту. Что же касается до 3-го пункта возраженія, то и онъ устраняется, если сообразимъ, что въ Средней Азии есть масса арыковъ, сдѣланныхъ потомъ рѣчками и нынѣ текущихъ въ берегахъ еще болѣе глубокихъ и извилистыхъ, чѣмъ Кутемалды, и у которыхъ также незамѣтно никакихъ насыпей.

футовъ и переходитъ, такимъ образомъ, сѣвѣнную линію. Мѣстами замѣчаются въ этой части и ледники. Терскей-гау составляетъ только какъ бы передовую цѣпь, или отломокъ главнаго Тянь-шанскаго хребта, средняя высота котораго, на всемъ протяженіи длины озера, переходитъ сѣвѣнную линію, достигая слишкомъ 16,000 футовъ.

Побережье озера уныло и пустынно. Оно, по большей части, бесплодно, каменисто, усѣяно безчисленными валунами и лишено вообще лѣсной растительности. Кустарники появляются только близъ устій стремительныхъ рѣчекъ и вдоль низменныхъ пространствъ, и состоятъ преимущественно изъ *обльпихи*, покрытой узкими серебристыми листьями и съ вѣтвями, густо-облѣпленными желтыми ягодами, изъ боярка, барбариса и двухъ или трехъ породъ ивы. Къ мѣстностямъ, пригоднымъ для кочевокъ и для хлѣбопашества, можно отнести: небольшое пространство на западномъ углу озера, затѣмъ по теченію рѣкъ Зауки, Кизылъ-су, Каракола, Аксу, впадающихъ въ озеро съ юга, по теченію рѣкъ Джергалана и Тюпа, впадающихъ съ востока, и, наконецъ, часть сѣвернаго берега озера отъ устья рѣки Тюпъ до урочища Кесъ-сенгиръ, гдѣ кара-киргизы искони занимались хлѣбопашествомъ. Восточное побережье озера вообще болѣе благоприятно для жизни человѣка, чѣмъ западное; этимъ обстоятельствомъ объясняется причина, почему русская колонизація охватываетъ восточную часть озера и не касается западной. Въ теченіе послѣднихъ трехъ—четырехъ лѣтъ, восточная часть озера стала унижаться, точно ожерельемъ, русскими поселками, которыхъ нынѣ шесть. Грунтъ земли въ мѣстахъ расположенія поселковъ песчано-глинистый, частью черноземный, и земля, при орошеніи, даетъ богатые урожаи.

Иссыкъ-куль считается вообще весьма глубокимъ озеромъ. Берегъ его мѣстами сразу обрывистый и глубина дна, по рассказамъ, доходитъ до полутороста сажень; мѣстами же, напротивъ, дно только въ разстояніи версты отъ берега понижается на высоту человеческого роста. Цвѣтъ воды въ озерѣ зеленоватый; но вода чрезвычайно прозрачна.

Хотя островъ на озерѣ нѣтъ, однако мелей довольно. На вкусъ вода морская и къ употребленію почти негодная, вслѣдствіе чего какъ киргизы, такъ и русскіе поселенцы называютъ озеро моремъ.

Иссыкъ-куль никогда не замерзаетъ; только заливы и бухты его зимою покрываются льдомъ.

Вслѣдствіе незамерзанія, озеро получило киргизское названіе Иссыкъ-куль и китайское Жо-хай. То и другое значитъ Теплое Озеро. У монголовъ и калмыковъ озеро извѣстно подъ именемъ Темурту-поръ,

что значитъ Желѣзистое Озеро. Желѣзистымъ оно названо по большому количеству чернаго шлиха, покрывающаго мѣстами дно озера и выбрасываемаго съ пескомъ на берегъ. Этотъ шлихъ собирается и нынѣ кара-киргизами, которые въ самодѣльныхъ тигляхъ свариваютъ его, затѣмъ проковываютъ и получаютъ довольно порядочное желѣзо. Кромѣ шлиха, въ озерѣ замѣчается присутствіе многихъ теплыхъ минеральныхъ ключей (желѣзистыхъ), бьющихъ изъ-подъ горныхъ пластовъ. Присутствію этихъ ключей, вѣроятно, и надо приписать причину сравнительно высокой температуры воды и того, что озеро не замерзаетъ зимою.

Озеро чрезвычайно богато рыбою, которая собирается въ несмѣтномъ количествѣ въ бухтахъ и которой кара-киргизы не ловятъ. Русскіе поселенцы пока еще ловятъ ее мало, не имѣя снастей, лодокъ и пр. До сихъ поръ замѣчены только четыре породы крупныхъ рыбъ: сазаны, османы, маринка и чебакъ.

Зима на Иссыкъ-куль бываетъ довольно суровая; она начинается съ ноября и оканчивается въ исходѣ февраля. Снѣгъ выпадаетъ до двухъ аршинъ глубины и въ это время случаются сильныя вьюги. Въ западной части озера, снѣга выпадаетъ гораздо менѣе, почему здѣсь скудная трава изъ-подъ снѣга можетъ быть доставляема скотомъ удобнѣе. Весна на Иссыкъ-куль, лучшее время года, къ сожалѣнію непродолжительна: она скоро смѣняется лѣтомъ. Въ маѣ, іюнѣ, іюлѣ и перѣдно въ августѣ, жаръ на солнцѣ доходитъ до 40° Р. Дожди и туманы здѣсь весьма часты и продолжительны. При всемъ томъ, вообще климатъ здоровый и пріятный.

ХІ.

ТОКМАКЪ.

Мѣстоположеніе города.—Климатъ.—Раздѣленіе на части.—Статистическія данныя.—Число зданій.—Число жителей.—Занятія жителей.—Торговля.—Хлѣбопашество.—Почтовый трактъ изъ Токмака въ Караколъ.

Центръ управленія Токмакскимъ уѣздомъ составляетъ городъ Токмакъ, заселенный только въ 1867 году, т. е. съ учрежденіемъ Семирѣченской Области. Городъ расположенъ въ широкой долинѣ рѣки Чу, въ 60-и верстахъ отъ выхода ея изъ Буамскаго ущелья и верстахъ въ пяти отъ остатковъ бывшаго коканскаго укрѣпленія. Постепенно расширяясь, долина Чу у Токмака доходитъ до сорока верстъ ширины.

Городъ расположенъ на лѣвомъ берегу рѣки, на ровной и даже

низменной мѣстности, поросшей по болотамъ камышами. Эти-то болота и причиняли въ первое время сильную болѣзненность и смертность въ населеніи и въ войскахъ. Теперь, вслѣдствіе выкашиванія и выжиганія камышей и проведенія канавъ для орошенія полей болота осушаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ свирѣпствовавшія болѣзни (по преимуществу перемежающіяся лихорадки) мало по малу стали уменьшаться.

Будучи расположенъ въ долину, окруженную съ трехъ сторонъ горами, Токмакъ пользуется теплымъ климатомъ. Зимы здѣсь не суровы, и снѣгъ стоитъ недолго: онъ частью таетъ тотчасъ по выпадѣ, частью сдувается вѣтрами, дующими въ токмакской долину довольно часто. Преобладающіе вѣтры сѣверо-западные.

Благодаря теплomu климату, въ Токмакъ могутъ произростать многія иѣжныя породы растений и деревьевъ. Такъ, здѣсь растутъ въ изобиліи абрикосъ, могутъ расти персики и приурочивается виноградъ. Тутъ (шелковица) растетъ изобильно въ дикомъ видѣ.

Городъ первоначально былъ построенъ на открытой мѣстности; сады и вообще деревья поселенцы стали разводить уже сами, чему много содѣйствуютъ малоросы, образующіе большинство токмакского населенія. Почти возлѣ каждаго домика есть садикъ и огородъ.

Токмакъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) небольшого четырехугольнаго укрѣпленія, въ которомъ помѣщаются казармы и другія воинскія зданія; 2) изъ собственно города, гдѣ находятся городская площадь и лавки и 3) изъ двухъ слободокъ, изъ которыхъ одна примыкаетъ къ укрѣпленію, а другая къ городу. Слободки населены переселенцами-крестьянами; собственно городъ есть арена купцовъ изъ сартовъ и татаръ. Какъ городъ, такъ и слободки распланированы правильно на широкія и прямыя улицы. Главная площадь (базарная) обсажена кругомъ деревьями и содержится въ большой чистотѣ. Чистота соблюдается также и на улицахъ, и во дворахъ.

Лѣсъ отъ Токмака далеко, верстахъ въ 40—50 къ югу, въ ущельяхъ Александровскаго хребта.

Вотъ причина, почему всѣ дома токмакскіе строились и продолжаютъ строиться изъ сырцоваго кирпича; подвозка лѣса издавна значительно превосходила бы стоимость выдѣлки сырцоваго кирпича.

Плоскія крыши на домахъ камышевыя, заборы частью глиняныя, частью (по преимуществу у малоросовъ) плетневыя. Лозьякъ для плетней растетъ на берегахъ Чу и въ горахъ Каракунуса, составляющихъ предгорія Алатавскаго хребта, ограничивающаго долину съ сѣвера и проходящаго верстахъ въ пятнадцать отъ Токмака.

Число домовъ и другихъ зданій въ Токмакъ въ настоящее время слѣдующее: одна церковь и одна мечеть; домовъ частныхъ 215; казенныхъ 4; лавокъ 156; всего 377 зданій.

Лавки выстроены въ азіатскомъ вкусѣ, т. е. въ видѣ маленькихъ темныхъ конурокъ, безъ прилавоктовъ, освѣщаемыхъ только черезъ открытыя двери.

Число жителей Токмака безъ войскъ состоитъ изъ 1,028 душъ мужскаго и 421 души женскаго пола, что даетъ въ итогѣ 1,449 душъ обоюго пола.

Изъ этого числа:

	Мужчинъ.	Женщинъ.	Всего.
Русскихъ.	593	361	954
Татаръ	35	20	55
Сартовъ	400	40	440
Итого.	1,028	421	1,449

Сарты и татары занимаются исключительно торговлею. Товары приспособлены для потребностей киргизовъ и русскихъ крестьянъ, и состоятъ изъ предметовъ первой необходимости. Изъ Кокана и Кашгара провозятся въ Токмакъ: мата, бумажные и полшелковые халаты, тибетейки (головныя шапочки) платки и пр. Изъ Россіи: дешевые ситцы, желѣзо, мѣдь и чугуны въ дѣлѣ и не въ дѣлѣ.

Торговля съ туземцами ведется мѣновая на пушной товаръ, скоть, волосъ, кожи, шерсть и войлоки.

Пушной товаръ весь идетъ въ Россію, а скоть отправляется частью въ сосѣднія ханства, частью въ Западную Сибирь. Мѣновая торговля на сколько выгодна для сартовъ и татаръ, на столько невыгодна для киргизовъ, которые, не имѣя понятія о цѣнности покупаемыхъ предметовъ, платятъ за нихъ втрое и вчетверо.

Русскіе поселенцы занимаются исключительно хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Благодарная почва вполне обеспечиваетъ трудъ земледѣльца. Урожай пшеницы здѣсь даетъ minimum самъ 12. Кромѣ пшеницы засѣваются ярица, ячмень и овесъ. Проса наши поселенцы не засѣваютъ, а вымѣниваютъ его у киргизовъ, кочующихъ въ окрестностяхъ. Киргизы ископи предпочитаютъ воздѣлывать просо на томъ основаніи, что оно даетъ несравненно большіе урожаи и требуетъ меньше труда для обработки земли. Но все засѣваемое потребляется самими жителями.

Въ 1872 году жителями Токмака было засѣяно: пшеницы 346 десятинъ, ярицы 5 десятинъ, ржи 3 десятины, ячменя 3 десятины; овса 173 десятины. Съ земли этой снято: пшеницы 3,806 четвер-

тей, ярицы 48 четвертей, ржи 29 четвертей, ячменя 26 четвертей, овса 3,164 четверти.

Кромѣ означенныхъ сортовъ хлѣба, жители воздѣлываютъ картофель, капусту, лукъ, морковь, рѣпу, рѣдьку, подсолнечникъ, арбузы, дыни, тыквы, огурцы. Поселенцы, имѣя подъ рукою значительныя покосныя мѣста, травосѣяніемъ не занимаются, вслѣдствіе чего сѣно, особенно зимою, стоитъ въ высокой цѣнѣ. Причина, почему не засѣвается здѣсь клеверъ, заключается въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, такъ, что заработная плата за земледѣльческій трудъ, во время уборки хлѣба, восходитъ до 60-ти копѣекъ въ сутки.

Травосѣяніемъ и табаководствомъ (табакъ разводится самый простой) занимаются сарты, которые сбываютъ клеверъ (дженушку) проходящимъ караванамъ, а табакъ продаютъ почти исключительно киргизамъ, потребляющимъ его въ видѣ порошка для жеванія.

Скотоводствомъ, какъ отраслью промышленности, жители Токмака не занимаются и держатъ только самое необходимое число скота для домашняго обихода.

Въ 1872 году скота въ Токмакѣ было: лошадей 260 головъ, рогатаго скота 692 головъ, овецъ 213 головъ, верблюдовъ 40 головъ, свиней 164 штуки.

Кромѣ земледѣлія и огородничества, населеніе Токмака подчасъ занимается рыболовствомъ въ рѣкѣ Чу и охотою на звѣрей въ прилегающихъ горахъ и въ камышахъ по рѣкѣ Чу. Изъ рыбъ улавливаются сазаны, сомы, щуки и маринка. Охота производится на тигровъ, кабановъ, дикихъ козъ, горныхъ барановъ, фазановъ и особенно на мораловъ.

Ни заводской, ни ремесленной промышленности въ Токмакѣ пока еще не существуетъ; также не развилась и горнозаводская промышленность, несмотря на то, что въ окрестныхъ горахъ есть мѣдныя и желѣзныя руды и залежи каменнаго угля.

Для образованія крестьянъ, въ 1870 году въ Токмакѣ учреждена школа, въ которой обучаются грамотѣ и закону Божію до 40 мальчиковъ, подъ руководствомъ священника. Помѣщеніе для школы приспособлено въ домѣ священника.

Русское населеніе Токмака, на основаніи существующихъ законоположеній относительно переселенцевъ, пользуется многими льготами: оно избавлено, временно, отъ рекрутской и земской повинностей.

Земскую повинность какъ въ Токмакскомъ, такъ и въ другихъ уѣздахъ Семирѣченской Области несутъ одни киргизы. Ими расчищаются дороги, строятся мосты и пр.

Въ прежнее время, Токмакъ лежалъ на главномъ ташкенто-вѣрненскомъ почтовомъ трактѣ; но, съ упраздненіемъ дороги черезъ Каскскій перевалъ, Токмакъ очутился въ сторонѣ, оставаясь однако соединеннымъ съ упомянутымъ трактомъ короткою вѣтвью.

Въ прошломъ году эта вѣтвь изъ Токмака протянута далѣе на Караколъ. Токмакско-каракольскій трактъ проходитъ сперва долиною рѣки Чу, затѣмъ по Буамскому ущелью, къ рѣкѣ Кутемалды, впадающей въ озеро Иссык-куль съ запада, и по сѣверному берегу этого озера. У села Преображенскаго, расположеннаго при впаденіи въ озеро рѣки Тюпъ, дорога поворачиваетъ на югъ, и, обогнувъ озеро съ востока, приводитъ въ городъ Караколъ.

Несмотря на свое недавнее устройство, описываемый трактъ находится въ весьма хорошемъ видѣ. Дорога не только на мѣстахъ ровныхъ, но даже и въ гористыхъ, разработана какъ нельзя лучше. Буамскій проходъ, нѣкогда столь страшный, по которому въ былое время съ трудомъ можно было пробираться верхомъ, тепѣрь расчищенъ до такой степени, что безъ всякаго опасенія ѣхать по немъ можно въ какомъ угодно экипажѣ. Дорога по ущелью верстъ на тридцать идетъ карнизомъ, вьющимся надъ быстрою рѣкою Чу по всевозможнымъ направленіямъ. Карнизъ виситъ часто надъ пропастью, такъ что непривычному къ горнымъ путешествіямъ приходится испытывать довольно сильныя ощущенія, особенно когда, увѣренный въ себѣ и въ своихъ лошадяхъ, ямщикъ мчитъ васъ въ карьеръ. Тормозить экипажъ пужно только тамъ, гдѣ карнизъ, спускаясь внизъ, въ тоже время круто поворачиваетъ въ сторону.

Черезъ Чу сдѣланы въ ущельѣ два большихъ моста, и кромѣ того построены еще одинъ небольшой между ними, черезъ сухой оврагъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, ущелье разрабатывалось саперною ротою, находящеюся въ Туркестанскомъ округѣ. Но, несмотря на массу труда, потраченнаго на устройство дороги, послѣдняя, вслѣдствіе особыхъ свойствъ ущелья, требуетъ постоянной поправки, а именно: крутыя щеки ущелья осыпаются, забрасываютъ дорогу щебнемъ и крупными камнями, которые необходимо счищать. Эту послѣднюю работу съ успѣхомъ выполняютъ кара-киргизы, которые занимаются, такъ сказать, поверхностною расчисткою дороги и по всему тракту до Каракола.

Надобно отдать полную справедливость кара-киргизамъ въ томъ, что дорога по всему протяженію отъ Токмака до Каракола (около 300 верстъ) содержится ими въ образцовомъ порядкѣ. Единственное неудобство этого тракта — переправы въ бродъ черезъ горныя

рѣчки. Особенно затруднительны переправы черезъ Чу въ четырехъ верстахъ отъ Токмака, гдѣ рѣка разбивается на множество рукавовъ; затѣмъ черезъ рѣку Кунгей-Аксу, впадающую въ озеро Иссык-куль съ сѣвера, и, наконецъ, черезъ рѣку Джергаланъ, впадающую въ то же озеро съ востока. Переправа черезъ Джергаланъ производится у самаго устья черезъ три рукава, изъ которыхъ средній наиболѣе глубокой. Случаи опрокидыванія экипажей и потери пожитковъ на всѣхъ упомянутыхъ переправахъ нерѣдки, а потому было бы желательнo, если бы черезъ названныя рѣки были построены мосты. Чѣмъ скорѣе мосты будутъ сооружены, тѣмъ лучше.

1872 года,
15-го августа.

Л. Костенко.

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

СКАЗАНИЕ НЕЙТРАЛЬНАГО ОЧЕВИДЦА

О ГЕРМАНО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНѢ 1870—1871 ГОДОВЪ.

(Статья третья).

Geschichte des deutsch-französischen Krieges
in den Jahren 1870 und 1871. Nach eigener Beobachtung und nach den besten Quellen bearbeitet von Carl Abani. Leipzig, Wien, Teschen. 1871.

V.

Въ послѣднія десять лѣтъ Мецъ приведенъ былъ въ такое состояніе, что, по мнѣнію Абани, эту крѣпость можно было-бы назвать, въ оборонительномъ смыслѣ, неодолимою, предполагая, конечно, съ гарнизономъ достаточнымъ, боевымъ, обильно снабженнымъ продовольствіемъ и снарядами. Въ смыслѣ наступательномъ, Мецъ, по своему положенію на одномъ изъ важнѣйшихъ коммуникаціонныхъ пунктовъ, на соединительной линіи Парижъ-Берлинъ, и на важной рѣчной линіи; по своему малому удаленію отъ границы—что позволяетъ собирать тамъ большія наступательныя силы даже въ томъ случаѣ, когда непріятель подошелъ на близкое разстояніе, и, наконецъ, по своему значительному простору внутри фортвъ, сдѣлался перворазрядною крѣпостію для арміи. Ничто не мѣшало первому правильному, спокойному сбору французскихъ войскъ въ чертѣ дѣйствія Меца, если бы военное начальство, имѣя благо-